

84(2Рос-РХ-4К)
АСС ЦБ

МИХАИЛ АНОХИН

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

**КОНТРОЛЬНЫМ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Кол-во пред. выдач.

3 УМО У. 2 МЛН В. 78-85

84(2 Рос - Рус - 4 Кем) 6

Михаил Анохин

А69
7/к

450.

Сказки для взрослых

0543680

г.Прокопьевск.

ПОДАРЕНО
Тайфур В.И.
июль 2014 г.

43
Рос. федерация КСР
Библиотека
БИБЛИОТ. 11

1 ББК 84 (2Рос-Рус)6

2 А 69

Анохин, М. П.

А 69

Сказки для взрослых. М. П. Анохин

под ред. Л. Козловой.

Прокопьевск : Ленина 33 кв. 63 2014. - 64 с.

Дизайн обложки

Л. Козловой.

Краткая аннотация на произведение

Все произведения этого автора носят философский характер и это не является исключением. Именно поэтому и названа: «Сказки для взрослых».

ББК 84 (2Рос-Рус)6

© Анохин М. П., 2014

© Самиздат. Ленина 33 кв 63, 2014

ОГОРОДНАЯ СКАЗКА.

«Хренотень – это тень, отбрасываемая огородным растением хрен на другие огородные растения».

(Народная мудрость.)

– В некоторых огородах порядки вовсе не такие, как на нашей грядке, – начал старый хрен свое обычное весеннее поучение, приурочивая его к тому времени, когда редиска уже научилась краснеть, но еще ничего не соображала в суровых законах огородного устройства.

Этот факт был запечатлен в памяти «матушки бузины» и многих других долгожителей огорода. Именно тогда, когда редиска вступала в тот интересный возраст, когда каждое незнакомое слово содержало для неё многосмысленную значимость, когда краска стыдливости выступала на редиске особенно отчетливо и ярко, именно в это время в старом хрене наступал прилив ораторского красноречия!

Знающие огородное дело связывают этот прилив красноречия с временным заходом десятого кольца Сатурна под кольцо девятое, а так же с тем, что в созвездие «Пса» появляется по утрам Венера. Впрочем, это мнение не окончательное, поскольку есть академики, которые это огородное явление связывают с наступлением климаксного периода островов Шпицбергена и Гренландии.

Впрочем, те, кто живет на этом огороде, знают, что дело тут в обычном недогляде работницы Дарьи, которая вовремя не облила старый хрен кипятком и тем самым дала ему возможность вырасти до размеров хорошего хрена. Ну, а когда хрен вырастает до хороших размеров, то даже у Дарьи руки не поднимают ушат с кипятком, чтобы его обварить – жалко! Конечно, будь на месте Дарьи какой-нибудь мужик, то у него рука бы не дрогнула, но женская рука никогда не поднимется на погибель хорошему хрену! Так он и доживает до осени, укореняясь еще сильнее на своем огороде.

–На своем, - так считал хрен и даже крутой кипяток не мог

1
2
изменить этого мнения, хотя сваривал начисто всё, что
вылезало наружу, но в глубине, в сердцевине своей, старый
хрен стоял на своем, – мой огород и баста!

И так, старый хрен продолжил «гнуть» свою, такую же, как
и он, «старую линию».

– Там, - с пафосом в голосе говорил хрен, указывая
листьями в сторону заходящего солнца, - развивается
плюрализм и демократия не то, что у нас! А мы всё живем по
старинке, на особицу, не ведая ни чайний, ни ветров, идущих
с других огородов. А между тем, стоит прислушаться и
уловить какие такие запахи, и какие такие идеи несут нам эти
ветры! На этом месте старый хрен прервал свою
вступительную речь и настороженно огляделся. Жизненный
опыт приучил его к осторожности. Уже не раз в его жизни,
именно в этот момент работница Дарья окатывала его
крутым кипятком в надежде извести старого смутьяна. Но
ничто в огороде не намекало на коварные замыслы
относительно старого хрена. Только молодой укропчик, как
примерный ученик вытянул свою пахучую веточку насколько
смог и робко, но настойчиво спросил: «Нельзя ли, уважаемый
хрен, перевести Вашу ненормативную лексику на обычный
огородный язык?»

– Можно, - важно ответил хрен. - Только эти слова
иностранные и к ненормативной лексике отношения не
имеют. Тебе бы, как начинающему поэту это нужно знать, а
то, понимаешь...

– И, тем не менее, я попрошу... - властно и настойчиво
заявил чеснок, ведь и он на грядке был не новичок и сидел в
ней с прошлого года, так что право имел и потребовать. – Так
вот и, тем не менее, во избежание травмирующих психику
факторов рекомендую, впредь излагать свои мысли, так
сказать, пусть и остро, но кратко и понятно. Конечно, вы как
старый хрен имеете перед огородом неоценимые заслуги и
разного, всякого на своем веку перевидали, еще больше
услышали, но должны помнить, что перед вами молодежь
весеннего, нынешнего посева!

Такая длинная речь утомила чеснок настолько, что он впал

во временное коматозное состояние, из которого вышел только тогда, когда на небе замерцали звезды, и на его стрелчатые листочки выпала холодная роса и привела, тем самым, его в чувство. Помнится, уже среди ночи под звездным небом, когда все огородные жители спали, он закончил свою мысль: «Похабщина, она и на иностранном языке все равно похабно звучит, может быть еще более похабно, чем родное, матерное слово, сказанное в сердцах. Так что не нужно прятать свою нравственную порочность за иностранные слова! Не нужно!»

Поскольку все спали, то никто ничего на это не ответил, да и сам чеснок тут же и уснул, так что сам вряд ли помнил утром, что сказал этой звездной ночью под воздействием капли росы.

А раньше, днем, старый хрен принял во внимание замечание чеснока:

–Ладно, - согласился старый хрен. – Пусть по-вашему будет, хотя приходится каждую весну повторять то, да потому, а когда к сути дела перейдешь, то уже многие овощи для первых салатов-винегретов поспеют. А меня снова за дурной характер и смутьянство примутся выкорчевывать. Так вот и на этот раз говорю всем своим недругам, а в особенности хозяину огорода Корнею Корнеечу и на особицу работнице Дарье: «Хрен ребята, что у вас выйдет! А потому хрен, что выйдет, что корни мои в глубине земной, а все вы мелко сидите передо мной, а сам хозяин огорода, так и вовсе, по земле ходит и что он в земле-то понимать может? Я - от природы! Я - от земли расту!»

Конечно, после такой эмоциональной речи старый хрен сделал длинную паузу, да такую, что все подумали, что он по стариковской привычке уснул средь бела дня, но не тут-то было!

– Ладно. – Желчно протянул старый хрен, да так, что запах специфический по огороду прошел. - Поясняю: демократия - это когда на нашей грядке имеет право произрастать все, что имеет корни и, говоря научным языком, имеет отношение к фотосинтезу!

1
2
–Этс что? – Пискнула молодая морковина. . И мокрец имеет право произрастать, и осот?

–Именно так, - важно сказал хрен, - иначе плюрализма не получается, а сплошной тоталитаризм, то есть засилье одной культуры, одной идеологии!

– Ужас! – Ахнула репка, а редиска покрылась красными пятнами, от стыда.. – Значит, нам не дадут досидеть до осени?

– Дура ты, репка! Как была ты дурой деревенской, необразованной ,так и осталась. Ну, посуди сама, при чем здесь сроки созревания и прочая огородная премудрость, если мы речь ведем об огородной политике? Люди такой закон вывели, чтобы выживал только сильнейший, а у кого силенок маловато, или еще что не так, пустьдохнут! А что можно против закона сделать? Ежели закон такой, то ложись и помирай, и вся тут недолга! Ежели это не закон, а придумка, то конечно, тогда еще можно чем дрыгнуть перед тем, как дух испустить, а так – совершенно нельзя!

Редиска совсем пунцовой стала, только укропчик таким бодрым, не без наглеца голоском, откликнулся на слова старого хрена.

– Все ясно! Раздевать средь бела дня станут! Кого по частям, а кого сразу, вот как, к примеру, редиску. Таковую не скушать сразу, кто же выдержит? К тому же весенний авитаминоз... Солнечное сияние... - и тут укропчик забормотал и вовсе мало вразумительное, что с ним случилось в минуты сильного волнения, как это случается со всяким молодым поэтом.

– Вот и в прошлом году точно так же все было и в позапрошлом... - Теперь уже совершенно старческим голосом произнес хрен и вздохнул. - Я, о самом важном хотел вопрос обсудить, о демократии, а у одного поэтический удар случился, у другой, не понять с чего, стыд в лицо ударил, а кое-кто только собственной выживаемостью озабочен! Эх! Пошли бы вы все хозяину в засол!

Сердито выплеснул хрен свою обиду на весь огород.

– А ты как хотел, старый хрен? Это тебя ни одна

зловредная химикалия не берет, а меня так простой мокрец задушить может! – Выкрикнула морковка.

Она была хоть и этого, весеннего посева, но страшно боялась быть задушенной мокрецом, или осотом и этот страх придавал ей отчаянную смелость и даже дерзость в разговоре с таким авторитетом, как старый хрен.

– А ты должна силы найти в себе и его силу превозмочь своей! – Посоветовал, почти прокричал старый хрен молоденькой морковке. – Ты укореняйся на всю глубину грядки! Души тех, кто рядом, и не забывай про тех, кто вдали от тебя! Перехватывай свет солнечный, словом, ботвой-то не шелести попусту, а борись! В борьбе и обретешь себя!

– Ага, найди! Ага, обрети! - проворчал лук-сеянка. – Когда тебя грызут и сверху, и снизу. Все ведь с весной проснулись, все голодные! Без хозяйского глаза и догляду, так только ты один и можешь процветать на нашей грядке. Потому и советуешь всем выживать, кто как может. Хитер, да и я не прост, чтобы тебе поверить.

– Ну, почему же, - откликнулся малиновый куст, хотя страшно не любил влезать в огородные споры. Кстати говоря, и его, хозяин время от времени нещадно подрубал и подкапывал, чтобы дальше ограды – ни на шаг!

– Да, я говорю, почему же только один хрен? Отнюдь, и я бы мог... - и тут малиновый куст застенчиво, ну почти как укропчик, процитировал несколько строк, услышанных случайно из уст девочки, когда она собирала с этого куста ягоды: «И я бы мог в стране отцов быть не последним удальцом».

Но его поэтический этюд не был оценен огородным сообществом, что и не удивительно, ведь большинство из них жило от весны до осени, а многие так и вовсе по три месяца! Когда же было им впитать в себя перлы поэтической, да не только этой, культуры?

–Цепко за землю держится и крапива, но надо сказать прямо, поверхностно и не глубоко! - заметил хрен, хотя недолюбливал её за жгучий и настырный характер. Да кто это любит конкурентов, даже из тех, кто с утра до ночи твердит о

благие конкуренции?

– Лебеда, к примеру, умеет за себя постоять, тот же осот...

- Продолжал хрен, но тут почувствовал, что зашел слишком далеко в плюрализме. Отнести осот к огородным растениям можно было бы только на том основании, что осоту нравится огородная земля.

– Совсем старый из ума выжил, - пробурчал, только что высаженный в грунт перчик.

Он был из интеллигентов, из городских, так как половину жизни провел в домашних условиях.

– Есть растения культурные, а есть бескультурные, - взялся разъяснять перчик. Собственно говоря, он это делал каждый раз, когда его высаживали в грунт. Так он представлялся огородному сообществу: «Культурное растение». Как для хрена, так и для него - это была вечная и неизменная, весенняя песня.

– Чтобы вы знали, огороды создают для растений культурных, - наставительно говорил перчик. - А для бескультурных растений все остальные места отведены. Слушать вас всех, культурному растению невыносимо, что ни слово, то уши режет! И старый хрен... фу, как это пошло и двусмысленно звучит...

– А ты сопляк помолчал бы! Вот тоже, овощ нашелся! – немедленно парировал старый хрен пространную реплику перчика. – Ишь ты, в простом огородном слове двусмысленности нашел. Не там ищешь! Твои социалистические, заморские штучки-дрючки нам известны, слышаны мы от неженков, тепличных растений. Огурец, вот тоже, сам, бог весть, откуда, говорят из какой-то Индии, а стал нас, коренных жителей огорода, поучать своими йогическими прибабасами? Так нет! Я ему сразу рот-то его зеленый и заткнул! Мигом под парниковую пленку его хозяин спрятал! Да и то, вот как морозец утренний чуток прохватит – так всё и спекся! И йога ему не поможет! Нет! – Бушевал хрен на своей грядке. – Мы, привыкшие к суровости произрастания на родной отеческой земле, а эти - всё думают, что над ними тепличная крыша! Высадили вас в мой огород, так

помалкивайте, пока ваше время не пришло. Ну, а как придет, так и пожалуйте к хозяину на стол! Мы коренные, исконные, а вы кто? Десерт! Это даже не еда, а так – приправа к еде!

От этих слов у многих обитателей огорода случился нервный приступ. Это все равно как молодому человеку сказать прямо и ясно, безо всякого шанса на помилование: «Ты рано, или поздно, а умрешь! И, скорее всего - рано!»

Все ведь так и поняли, что до поздней осени, вряд ли кто досидит! Да, все огородные растения знали, а скорее чувствовали своим природным инстинктом такое окончание своей огородной судьбы, но говорить об этом, вот так, на весь огород, прямо? Конечно, какие нервы это выдержат! Многие даже от расстройства и огорчения увяли, хотя вечером были обильно политы.

А старый хрен времени даром не тратил и пустил свои корни вширь, и таким образом мог запросто отпочковаться от своего старого ствола, оставив все своих недоброжелателей, известно с чем!

Хрен в прошлую зиму пустил к себе, в старый ствол такую тьму самых злобных насекомых, что знай про это хозяин огорода, да работница Дарья, то едва бы им спокойно спалось этой весной. Хрен потому и был старожилом, что четко понимал, где его союзники и где его враги, а с кем он мог вступать во временное соглашение, а кого избегать. Вовремя и на время подружиться и вовремя предать – великая наука, чутья природного требует и хренового характера!

И вдруг над всем этим, словно ветерок какой легонький прошел, и послышались всеми узанные слова матушки бузины: «Все хорошо в меру и особо хорошо то, что тебя не касается».

И на этом, в общем-то, конец огородной истории, потому что после слов матушки бузины все огородные жители замолкают, по крайней мере, до следующего утра.

А мне остается сказать только то, что вот так, каждую весну старый хрен поднимает вопросы демократии,

1
2
применительно к конкретной грядке, н: конкретном огороде и каждую весну все вопросы тонут в мелочах жизни. Впрочем, кому и тысяча – мелочь, а кому и рубль – деньги!

Конечно, идеологические убеждения демократии хороши, но когда дело касается собственной выгоды, то тут уж плюрализмом не пахнет, а пахнет самым крепким хреновым настоем! Ну, в крайнем случае, тертым хреном с брусникой, или с помидорами...

Однако припомнились мне, что говорили огородные остроловы на предыдущих выступлениях старого хрена, и показалось мне, что одно из них, касательно благ плюрализма, стоит привести: «Так-то оно так и не как-то либо как, ну а что касательно, то не обязательно, если применительно, то страсть обременительно», - эту фразу сказал синий, почти фиолетовый от зрелости, баклажан. Это случилось в конце лета и потому скороспелые сорта овощей этого не могли слышать и не могли передать в генетической памяти своим семенам.

Это только так кажется, что огородные жители просты, да незатейливы, иной раз такое в трубочку завернут, что неделю будешь раскуривать!

А сказка что? О сказке давно сказано: «Сказка ложь, да в ней намек... Даже если это - «огородная сказка».

Апрель 2005.

Сказка про Ивана-дурака, змея Горыныча и девицу-красавицу по имени Ладушка.

Надо сказать, что попал я на этот сеновал по обычной для себя причине: если кого комар укусит, то меня непременно оса жогнет! Если кому-то в болотину по колено провалиться, то мне непременно по пояс! Потому и слышу со всех сторон: дурак, да дурак и на столько привык, что уже стал откликаться на эту собачью кличку!

На этот раз все началось с реплики моего начальника при устройстве на ночлег нашей «шатучей бригады» геодезистов, где мне вменялось в обязанность таскать здоровенную, и надо сказать, тяжеленную рейку-линейку. Он сказал: «А ты дурак и в сарае на сеновале переночуешь. Нынче ночь звездная дождей не будет».

Сами все в избе лесника расположились, вокруг натопленной русской печки... Вот я рассуждаю своим дурацким умом, если испокон веков дураку место было на печке, а умным где придется, хоть и на сеновале, то, что такое произошло в мире, что все перевернулось? Кажись репа с брюквой как росли ботвой вверх так и растут, та же картошка-моркошка... А люди, что ни год, то новое затевают, и вот что для меня дурака забавно, не успеют старого начинания окончить, как за новое берутся! Да с таким рвением и отвагой, что куда тебе с добром! Иной раз, кажется, что плеснули им промеж ягодиц по ложке доброго дедовского скипидара! Такое рвение выказывают, что тайной остается, отчего это ни одна яма не докопана, ни одна яма до конца не закопана, а дороги у нас только и исключительно все ведут к теремам и дворцам? А все, что иное: то тропинки, да тележные колеи. Сказывают, что в каждом логу, в каждом ельнике на этих дорогах засаду нечистая сила на православных христиан устраивает!

Что уж она с ними делает, эта «нечистая сила» – один Бог ведает, и не моим дурацким умом это простежить, только никто из пойманных обратно не возвращался. Так испокон веков повелось, то тебе «бел горяч камень» и все три удобства: либо женату быть, не весть на ком, либо коня лишиться, либо и вовсе без головы остаться.

Вот и наша «шатучая» геодезическая бригада вроде как должна способствовать научному описанию этих мест, да вот уже второй месяц нас черт вокруг охотничьей сторожки водит. В какую бы сторону мы ни пошли, а все равно через день или два к ней вернемся! И вроде, все по компасу, по геодезии, по прямой, а получается круг!

В общем, шел я на сеновал в великом смущении чувств и

умственном перенапряжении. Ежели умные вместо дураков на печи заберутся, то кто умную работу делать станет? Я что ли?

Ну и, конечно, мне, как дураку, и ста грамм на ночь для сугреву не полагалось! Признаться, я сам в этом виноват, когда, ко всеобщей радости, сказал: что в рот спиртного не беру ни под каким видом, потому как моя голова этот напиток напрочь не переносит.

–Ты, что - дурак? – спросил меня завхоз Данилыч

На что я ему прямо ответил:

– Ага, дурак! Но у меня справка есть, что я не «вредный дурак» и на тяжелых работах вполне пригоден.

– Это нам подойдет! – Сказал Данилыч радостным голосом и на всю контору заявил: «Поздравляю, вас всех с новоприобретением: в нашей дружной компашке объявился дурак со справкой! »

Вот хохоту-то было! А справку все посмотрели, и в первую очередь, строгая такая женщина, ну, почти офицер какой – начальник кадров называется, и признала её, то есть справку, подлинной, а меня, так прямо и назвала: «Ценный кадр, будет чертомелить за троих! »

Видно и в правду, когда мне в канцелярии справку давали, то сказали: «Мы тебе, дурак, отменную характеристику дали, везде на работу возьмут».

А Данилыч еще с большей радостью, чем прежде, когда узнал, что я в рот спиртного не беру по причине своей дурости, похлопал меня по спине и сказал: «Ну, это мы ему обещаем...» То есть работу. А я что? Я на работу и пришел устраиваться. Как же без работы-то? Хлебушек-то в магазине бесплатно никто не даст, все денежку просят... И вперед, чем хлеб дадут. А без хлеба и дворовый кобель не проживет.

Ну и вот, только я угнезвился основательно на том сеновале и даже подремывать начал, как это и началось! Видно место под сеновал не то выбрали, дрянное место! Да и подумать, то где оно в этой местности нормальное?

– Жил, да был Иван-дурак, – бормотал какой-то гундосенький голос из под самой стрехи, где по всем

нормальным законам ему: быть-то не полагалась. Если говорить по правде, то оттуда и в это время, разве что ласточкино «цвирк!» могло прозвучать. Однако же я отлично слышал этот голосок.

– Для непонятливых сообщу, - продолжал он гундосить, - что эта сказочная фигура Ивана - дурака есть сублимация духовных чаяний русского народа. Многие века этот факт замалчивался, так как считалось, что расковыривать этот образ, значит - ослаблять волю народа к выживанию в трудных, кхе! Да, в трудных климатических условиях. Что касается другого персонажа, а именно Змея Горыныча, то он является так же сублимацией всех вражеских угроз с Востока для славянского, то есть русского этноса. Однако я хотел бы обратить ваше внимание, господа на то обстоятельство, что эти - антагонистические персонажи на самом деле являются взаимно дополнительными в историко-психологическом становлении русского этноса. Таким образом, Иван-дурак, как сказочный типаж – фигура в историческом смысле изменчивая и вечная. Сказать точнее – соразмерная истории русского народа. То же самое касается Змея Горыныча. Кхе, кхе! В историческом времени, не так уж и давно, он стал для русского этноса двуглавым, хотя тысячелетия этот персонаж всегда был о трех головах. О причинах этого мы еще коснемся. Более того, этот типаж лишился и некоторых, присущих ему змеевидных форм, и стал похож на разрубленного пополам цыпленка-мутанта. Таково изменчивое воображение русского человека, господа мои. Кхе! Кхе! Однако же и климат тут... Да. Существуют устойчивые формы зачина сказки, мы выбрали самую распространенную. Простите меня господа, но и, на самом деле, все эти запахи подвяленной травы, влажность и давление атмосферы... Кхе, кхе...

Итак, продолжаю: «Когда вошел в возраст Иван-дурак, то отец решил его научить специальности какой-нибудь, а какой – не знает! Потому как дурак, а школ для дураков в той округе тогда не строили. Принято было учить умных, не то, что нынче всех сообща и скопом учат, не разбирая, кто умный, а кто

1
2
дурак. И вот, решил отец отпустить сына, то бишь Ивана-дурака на «произвол судьбы».

И вдруг в этот сухой и противный, лекционный, гундливый голосок, врезалась свежая и совершенно необычная струя, словно в душной и прокуренной комнате окно настужь распахнули.

–Деда, а что такое «произвол судьбы»?

–Ты в городе был?

–Был.

–Поди, в зал игральных автоматов тебя отец водил?

–Водил.

–Ты там на деньги играл? Опять соглашается: «Играл».

–Вот если бы твой отец купил фишки на все деньги, что у него были, то это бы означало, что он всё, или почти всё, поставил на «произвол судьбы»! Деньги «пустил на произвол судьбы». Понял?

–Понял! Только я «на все деньги» не играл.

–Потому и видно, что ты – не дурак!

И вдруг взвизгнуло опять там же, под стрехой: «Ви ни так объяснять титя! Ви ни так понимать политическая география... и политическая экономия... Ви тетям головы чепуха запивать путите... Я, есть возмущен! Эта не академия, а шорт знат што!»

И вдруг, этот совершенно чужой голос сменился прежним, хотя и гундосым, но прилично произносящим русские слова.

–... Вот и отец Ивана-дурака, когда сын вырос и стал ростом выше отца своего, сказал ему: «Иди прямо по дороге и никуда не сворачивай, судьбу свою испытай, может, она что-нибудь умное для тебя сделает».

И добавил: «Меня, мой отец, так же вдоль дороги направил и ничего, пришел в Чумаково и до сих пор здесь живу! Может быть, и ты до чего-нибудь дойдешь. Только опасайся попасть в царство Змея Горыныча!

– А что, тятя, - так раньше к отцу обращались, а не как нынче по-собачьи, – предок! – страшного в том царстве Змея?

– А никто, ничего толком о том не знает сынок, только все говорят, что лучше туда не заходить! А коли все так говорят, то и правда!

–А царство то, государство змеево, далеко от нашей поскотины будет? – спрашивает отца, Иван-дурак.

–Я так тебе сынок скажу, что это царство-государство с порога нашего начинается, если не с самого лежака русской печи!

– Так как же, тятя, я в него не зайду, да мимо пройду? Непременно ведь угожу в его царство-государство!

Отвечает ему отец: «В том-то все и дело, сынок, что ни обойти, ни объехать его нельзя!»

– Тогда, тятя, я тебя не пойму, зачем ты мне говоришь: «Опасайся попасть в царство Змея Горыныча?»

– А не поймешь ты меня сынок потому, что ты – дурак! Был бы ты как все – умный, то понял бы. Кабы можно было бы то царство змеево каким-нибудь путем миновать, то и предупреждать тогда незачем было бы! А потому как невозможно, то и предупреждаю! И завсегда так у умных людей заведено, только о невозможном и предупреждают, а то, что возможно, то и дозволено, а иначе какая же свободная воля, если нельзя и возможного сделать?

– Это мне даже обидно как-то от своего родителя слышать, -говорит отцу Иван-дурак. – Ежли бы чужой дураком обозвал, то куда бы ни шло – стерпел, а когда такое родитель говорит, да еще на дорогу, то обида обжигает! К тому же, если моему петуху нынче голову отрубят, да в последний раз домашним варевом меня накормят, то зачем петуху сказывать, о неизбежном? Зачем же ему, его петушиное сердце лишний раз, да по-пустому надсажать?

Тут, вдруг, отец так ласково и говорит ему: «А ты, Ваня, не обижайся! Когда я твоих лет был, то очень обижался, когда меня дураком называли, а когда пожил, огляделся, то обида вся прошла. А жизнь – она вся протекает в сердечной насаде, слышал, поди – «и богатые тоже плачут?»

– Да ну, тятя, разве такое может быть? – удивляется сын. - С чего бы им-то плакать?

– Сказать по правде, то хрен его знает, хотя богатые точно – хрена не трут, на то у них слуги всякие разные есть, но знающие люди говорят - плачут!

1
2
– Чудно! – удивился дурак, да и спрашивает отца: «А почему тятя такая с тобой перемена приключилось, что не стал ты обижаться, когда тебя дураком продолжали называть?»

– А вот про это тебе не отвечу и впредь не спрашивай, – рассердился отец и даже деревянную ложку, которой похлебку хлебал, на стол бросил. – Кабы умный был, то сам бы и понял, а так – дураку об этом сказывать никак нельзя! И не поймет, и не только вредно, но и опасно!

Перекрестили отец с матерью сына на дорогу, тот им поясной поклон отвесил и пошел в указанном направлении. И только вышел было за поскотину, глядь, а навстречу ему рябой мужик идет. Поравнялся он с Иваном-дураком, да и говорит откровенным и страшно обидным текстом: «Вот, еще один дурак идет!»

Помутнело что-то в глазах у Ивана-дурака, кисть в кулак сжалась, и рука его сама собой в ухо рябому тот кулак отправила! Крякнул рябой от удивления, да и говорит: «Похоже, что мужики умнеть начали...»

Сказал такое и тут же исчез, только легонький ветерок по ковыль-траве пробежал! Странно и жутковато сделалось от того Ивану-дураку, но куда деваться? Идти надо.

Долго ли коротко шел Иван-дурак, а открылся перед ним загородный коттедж в два этажа с мансардой. Забор из витой проволоки со стальными насечками, а внутри забора не то собаки, не то волки рыскают. Увидели Ивана-дурака и взвыли так, что жутко стало ему, как не бывало и на кладбище в лунную ночь, куда он с дуру ходил за цветком папоротника.

Между тем дорога привела Ивана-дурака к высокой, стального исполнения двери, а у двери стояла девица-красавица: не сказать, что голышом, и не сказать, что одевши, а так – промеж... Ну бывает так, когда молодуха прежде чем под мужнее одеяло нырнуть сбросит с себя лишнюю сбрую... Вроде как и голая, а кое-что на ней еще есть.

– Вот те, на?! – думает Иван-дурак. – А куда же мне идти, если заповеданная отцом дорога окончилась?

А девица-красавица, между тем, свои губки полнокровные

разлетила, да и спрашивает его: «Ты, дурак, мужскую работу делать умеешь?»

Что сказать? Вроде всякую работу по хозяйству делал, а в ум не возьмет, какая мужская, а какая бабская? Думал, думал, а все получается так, что его матушка всякую работу делала без исключения, а его отец иную делать не брался, например: портки чинить, или тем паче, в щелоче мыть белье, да рубелем прокатывать... В кухонном закуте отец не бывал...

А девица его подзуживает: «Чего молчишь? Дураки, они ведь по этой части очень сообразительные бывают, а ты - молчишь? Может, и не дурак ты вовсе, а шпион какой? Смотри, волкодавов спущу....»

– Так ты бы мне в начале показала работу мужскую, – проямлил Иван-дурак, – тогда бы...

– А ты не так-то прост! – и глазами по сторонам зыркнула, вроде, как кого высматривала. – Ну пошли... Покажу! Да, скорей ты! – Она дернула Ивана -дурака за локоть. Поторапливала.

Провела она его сквозь ворота стальные под самую мансарду в помещения атласом обитые. Обалдел Иван-Дурак от невиданной роскоши, а тут еще девица ему бокал с вином шипучим подносит, да и шепчет на ухо: «Ну, что же ты, раздевайся...»

А сама всеми местами горячими к нему прижимается, тут и камень потечет, а он хоть и дурак был, однако же и у дурака кровь в жилах, а не вода и не кисель! А кому не известно, что Господь Бог, если где и чего у человека отнимет, то непременно в другом месте добавит!? Ума, конечно, у Ивана дурака совсем не было, но зато инструмент для мужской работы был в полном комплекте и исправности.

Понравилась той девице мужская работа Ивана-дурака, да так понравилась, что запросила она повторения исполнения работы и за это особую плату обещала.

Фыркнуло, что-то там под стрехой, не то от смеха, не то от сенной пыли нос прочищало гундлиное создание, А потом и говорит: «Вот кабы был у вас интерес к русской сказочной

0543680

литературе, то не пришлось бы мне рассказывать, как Змей Горыныч прилетел свою невесту попроведовать, обнять, ласковое слово сказать и подмышками у неё пощекотать... А так... Ну, понятное дело, очень озлобился Змей, когда увидел Ивана-дурака в неподобающем месте, да к тому же, словно это не спальня с тахтой, а предбанник, и только веника у Ивана-дурака подмышкой нет!

Понятное дело, что сперва начал Змей Горыныч наезжать на Ивана-дурака: «Ты, кто такой, сякой?»

Тот ему, по своей дурацкой правдивой простоте и отвечает: «Я, де мол, Иван-дурак и брошен в мир на произвол судьбы!»

А надо вам сказать, что этот Змей Горыныч инвалидом был. Случилось Змею в одном сражении схватиться с богатырем русским и тот нечаянным ударом ему одну голову и отсек! Отсек и с испугу от того, что чудище повредил основательно, сделался с богатырем богатырский припадок, и пошел тот богатырь собственные дома и города громить.

Летописи говорят, что от Змея Горыныч в самые лютые времена ущерба меньше терпели, чем от этого припадочного богатыря. Да хорошо, что у него силы много было, а ума мало; потому как говорил я вам уже, что Господь Бог всем всего не дает, а если чего много даст, то другого - много и отнимет. Вот и зашел тот богатырь в море-океан, погнавшись за супостатным судном. Судно он настиг – это правда, но правда так же и то, что в том месте, на океанском дне обрыв был, и ухнул туда сказочный богатырь вместе с вражеским судном в руках.

С той поры на том месте геройские песни поют и венки из цветов в море бросают, чтобы память всегда жила. Потому, что без памяти и человека нет, а есть только одна видимость его, вроде как призрак ходит... Кхе, кхе! Пылища все-таки и ароматы... н-да... Однако, это я малость отвлекся от темы, – прогундел извинительным тоном все тот же голосок под стрехой. - Ну да... Спрашивает Змей Горыныч девицу-красавицу: «Почему Иван-дурак оказался в спальне? Почему в таком виде, словно он в парную собрался?»

А та ему отвечает: «По очень простой причине!» – По какой такой, отвечай? Не юли! – наступает на неё Змей.

– По очень простой, человеческой! – говорит ему девица и нежно так себя в соболях шкурки окутывает, вроде как от таких хамских вопросов её озноб и отвращение к жизни пробирает.

– Это не ответ! – Решительно заявляет Змей!

– У него голова жутко болела, – говорит девица – и поясняет, чтобы сомнений никаких не было: «Она же у него одна».

От удивления таким наглым ответом у Змея Горыныча враз отвисли обе челюсти, и ядовитая слюна закапала на дорогие ковры, и ковры от этой слюны затлели.

– Закрой пасть! – рявкнула девица-красавица. – Ты мне все ковры заграничные; туркменские, марокканские и афганские угробишь! Ты у меня всю душу наизнанку уже вывернул! Ты мне жить не даешь своей ревнивой натурой! Гад ты! Вот, что я скажу тебе прямо в твои шары и не побоюсь!

– То, что я – гад, это ты знала, когда согласилась за меня замуж пойти, а вот то, что ты – блядь! Шлюха ты! Это вскрывается в процессе наших отношений! – взревел Змей. Да так по полу своим хвостом ударил, что бетонные перекрытия коттеджа едва выдержали, потому как отмечено было в той округе аж семибалльное землетрясение!

А девица-красавица, как ни в чем не бывало, подошла к Змею, обняла за шею его могучую, чешуей грубой покрытую, как стальными пластинами-наждаками, да и говорит ему на ухо: «Будешь вопить – расскажу...».

Но Иван-дурак, как ни напрягал свой слух, но пережитое и все прочее... словом, он больше ничего не услышал, только увидел, как Змей Горыныч пал на свой толстый хвост и стал прощения просить.

– Ладно, – сказала девица красавица. – Забудем этот инцидент, а с этим дураком поступай, как хочешь. Сказать по правде, вы мне оба противны. Вот в прошлые времена был Бова-королевич...

Но тут Змей Горыныч издал какой-то звук средний между

1
2
глубоким зевком и кваканьем, и девица-красавица снова прильнула своими жаркими местами к чешуе Змея.

Верно говорит мудрость древнего народа камыков: «Когда член твердый, то душа мягче воска, а когда член мягче воска, то душа тверже стали». И кто бы ты ни был, гад ли ползучий, или человек мужского пола, а только мудрость эта из века в век передается из уст в уста, потому то и говорят, что сила женщины в её слабости, а уж как бывает слаба женщина в иные минуты, так о том отдельный научный трактат писать надо, а не сказку сказывать... Кх, кх! Как говаривал мой учитель: «Отвлечения, есть извлечение сути из бестолочи слов...» Однако же препротивная погода в этих местах! И вот попутно, давайте поразмыслим, отчего аллегро – термин музыкальный, связан фонетически с понятием аллергия... А это точно, у меня аллергия на сено... Ну да ладно сказку обязан до первого петуха рассказать.

Сказала такое девица-красавица, хвостиком... тфу ты! Задом вильнула и удалилась в свои отдаленные покои. Оставила она Ивана-дурака со Змеем один на один. Даже обидно стало Ивану-дураку, что она ни словечка в его защиту не молвила, а ведь рассчитывал он на человеческое к себе отношение, памятуя какие слова нежные в страстных объятиях и позах своих, она ему говорила.

– Ну, это, – рассуждает одна из голов, - то ли яйца вырвать, то ли вообще напрочь голову откусить, чтобы лишить Ивана-дурака его головных болей?

– А что, он жаловался? – спрашивает другая голова.

– А ты разве не слышала, что Ладушка сказала? Да он, завсегда жаловался: то солнце сильно печет, то солнца мало, то дождь идет...

– Ну-ну, вы не наговаривайте на меня! – попытался защититься Иван-дурак, а первая голова спрашивает его, да с таким ехидством, что снова от слюны, случайно упавшей на ватный тюфяк, дымок пошел: «А почему у тебя двойное имя? Иван, да еще и Дурак? Запрещено! Либо Иваном будь, и тогда плуг в руки и землю обрабатывай и с неё кормись, либо будь дураком и тогда на городских площадях народ забавляй! А то,

вишь ты, из двух корыт сразу жрать хочет! Отхватить голову и вся недолга! » Рывкает голова. Вторая поддакивает, но деликатно, очень интеллигентно смягчает остроту приговора Ивану-дураку: «А то, как же! Излечить надобно его напрочь, как то: от посевной-уборочной! Как-то: от увеличения тарифов на все и вся. Как-то: от сенокоса с его дождями и вообще...».

Она повернулась в сторону ближнего леса и рывкнула так, что у Ивана-дурака уши заложило: «Поставим вопрос прямо: а на хрена ему голова, если есть заднепроходное отверстие? Спросим ученый совет: «Пользовался ли когда-нибудь сей Иван-дурак своей головой по назначению?»

И тут-то загудело, невесть где! Затрепетало все от гусеницы до полевой мышки. Голоса разные, словно из тьмы какой, из тумана всплыли. Слова прорезались до ясности, и понял Иван-дурак, что речь о нем идет. Чутьем угадал, что сии голоса консультантов ученого Совета. А потом и в просверках, вроде как зарниц, увидел огромный амфитеатр и ядовитой зеленью поблескивающие туши, возлежащие на каменных лежаках, а посередине бассейн с бурлящей водой.

И вот консультанты ученого совета перечисляют достоинства головы Ивана-Дурака: «Гвозди до ста пятидесяти миллиметров одним ударом вбивал головой в сосновую доску. Лбом телеграфные столбы ломал, бетонные укрепления рушил и много других невиданных в соседних странах чудес производил, но читать-писать, в общем и целом, умел плохо, да все спохватывался, когда – «проехало»!

Утомил ученый совет Змея Горыныча, да к тому же, примите во внимание, он почти инвалид, голов-то всего две – одна на Восток повернута, а другая на Запад. Не выдержал, рывкнул: «Так что будем делать – яйца рвать, или голову откушу?»

– Так ведь, без головы-то, - заметил кто-то из ученого совета, - он и срать не будет, а у нас тенденция к экологически чистым продуктам!

–Значит яйца рвать, – мрачно заметил Змей Горыныч.

– Решение вопроса о плодоношении... - начал было говорить некий член ученого совета, но его довольно грубо оборвал Змей Горыныч!

– Насчет плодоношения – не знаю, а вот насчет всего того, что этому предшествует – это мой вопрос, моя личная компетенция, а у кого есть сомнения в этом вопросе, прошу пройти в соседнюю комнату и практически убедиться, что с этим-то все в порядке, по крайней мере, у меня! - Змей Горыныч, при этом сделал длинную паузу, и вся его бесстрастно-холодная морда, на которой застыла и окаменела улыбка (правильнее сказать – оскал от Кутюр), как это ни покажется странным, но выражала явное сладострастие, так несвойственное, вроде бы, столь гуманоидным существам!

– А если у меня с этим все в порядке, - продолжал Змей Горыныч, - то вопросов о плодоношении и колошении и прочей чепухе на ученом совете впредь не рассматривать. На простой вопрос ответить не можете научно-обоснованным образом, что делать? Голову ему откусить, или яйца вырвать? А туда же! Я вот посмотрю-посмотрю, да сам начну приглашать членов ученого совета в свой личный смотровой кабинет на предмет плодоношения и колошения...

– А Вы его, Ваше Величество, отпустите восвояси, все равно ведь далеко не уйдет, ума не хватит, а значит – долго не проживет, – задребезжал тонюсенький голосок, и все сразу замерли. Редко брал слово этот козлобородый гигант, потому и замерли в ожидании продолжения его мудрых слов. И слова незамедлительно были сказаны: –А нам польза. Никто не скажет, что у нас порядки гадские, а напротив, будем ходить в либералах, да не в простых либералах, а самых гуманоидных, несмотря на то, что все в чешуе и с хвостами. А то ведь, чуть что - вопиют: «Земноводные, да земноводные! Одним словом – гады!» А то еще и азиатами обзывают, а это совсем срамно терпеть! Потому что – земноводные и гады пусть и жестоко, но правда, а то что мы азиаты – чистейшая ложь! Так что, отпуская Ивана-дурака на «произвол судьбы», мы тем самым

затыкаем рот.всем этим..., ну и тем, конечно!

– Все, всё, перерыв! - объявил спикер ученого совета. И огромные, зеленые туши одна за другой попадали в водный бассейн. Легенды рассказывают, что тайными туннелями соединяется этот бассейн с мировым океаном, и потому частенько видят этих гуманоидов в морских портах. Путешествуют. Информацию собирают. Да, кто что говорит! Например, о том, что это, на самом деле новая раса народилась! Не то «Водолея» не то «Раколея» - не суть важно! Главное, что за ними мировое господство, а все остальные расы – подножье их трона! На такой расклад даже дурак не согласится, а не то что...

Тут гундливый голос под стрехой совершенно съехал на бормотание, словно молитву, или заговор какой тайный стал читать. Дурак совсем уж было надежду услышать окончание этой сказочной истории потерял, ан нет, голосок-то обрел свою гундливую твердость и закончил свой рассказ-лекцию, или напротив лекцию-рассказ, или вообще черт знает что!

–А Иван-дурак, точно, до дому не дошел, а в «испитой луже», всем на удивление, взял, да и утонул! Ну, никому раньше в голову не приходило в ней утонуть, а ему, вишь, пришло! Видно много пережил на том ученом совете, сердечный!

Ходили потом, уровень воды замеряли, ну, никак не должен бы, а надо же! Потом, конечно, на этом месте пост выставили. Линейку с нумерами поставили, чтобы уровень в «испитой луже» точно знать и в случае чего в рельс стучать, мимо идущих предупреждать, а вдруг самим в голову не придет мысль, что бывали случаи, что и в этой луже утопали!

Службу «спасения», специальную из конченных дураков организовали. Куда с добром получилась служба! Исполнительность отменная, а рвеня, рвеня не занимать стать! Скажут, копай – копают, пока до самих огненных недр не дойдут, скажут, закапывай, и тут рвение превосходящее всяческое воображение проявляют. Однажды так закопали, что на том месте гора не гора, а курган появился. А на том кургане геодезический репер поставили, чтобы все окрестные

села и строения знали, на каком уровне от океана находятся! Наша «шатучая» бригада и ставила!

Вот счастье-то привалило в те края?! Не мерянное! С других мест, где этот уровень не гарантировал сухопутного места жительства в случае таяния ледовитых шапок полюсов земли, в те края валом повалили, места под жилье скупать! Пусть теперь, кто скажет, что от дурацкого дела добра не бывает! Еще какое добро приключилась, куда те с добром! Когда бы всегда так, но не бывает два счастья в одном флаконе! Помимо того Ивана, еще один дурак сыскался, всех донял идеей, что с детства детей учить нужно плавать. В половодье с моста и сбросили. То ли плавать сам не умел, а детей, падла, учить собирался, то ли вода сильно холодна оказалась, то ли, когда бросали, о льдину головой ударился, но одним словом, утонул.

Ну, с той поры все под управлением Змея Горыныча, славно зажили! Никто его проектами не донимал, чем попало не укорял, но и он меру знал, людей как прежде без числа и счета не жрал, скот и прочее, всё - строго по закону, ни на зернышко больше, ни меньше. В правде жить стали, порядок во всём, куды с добром! А самое главное, людям и думать-то не о чем стало! Совсем!

Со временем у многих мозг из ушей весь вытек. Так и ходят пустоголовыми! Зато, ежели случайно головами стукнутся, то звон часа полтора не умолкает, такой знаете... ну, одним словом, «малиново-смородиновый звон! Прелесть! И всё это суцая правда! Сам слышал! Потому и стали специально головами тяться, то есть стукаться для красоты звона! Куда тебе с добром дело пошло! Сказочная, можно сказать, жизнь началась, музыкальная!

И оттого, что у нас «малиново-смородиновый звон стоит, мы гармонию в самом центре себя постигли, чего в сопредельных странах не знают и знать не хотят! То «гаденышами», то «варварами» нас обзывают», хотя уж мы все из кожи вон лезем, чтобы им понравиться! Политика такая у нас началась, чтобы всем нравиться! И ни один дурак этой политики превозмочь не может, ибо для постижения

этой материи ум требуется, а он у нас, весь через уши вытек!

Однако же, если хотите знать – мы искусство гармоническое превзошли, и по ту сторону гармонии заглянули и там свое счастье увидели! А счастье наше в том заключается, чтобы человеку от рождения ни о чем не думать и ничего не знать, кроме хозяйственных дел! Мы корень мудрости древней извлекли: «Во многом знании - много горя» и упразднили до минимальных возможностей всяческое присутствие знания в школах! Пресекли, что называется, мировое зло на корню!

А организация труда самая научная внедрена была, повсеместно! Из всех научных отменная, потому как пустоголовые разрабатывали для собственного потребления, а не абы как, как это бывает в сопредельных странах. Умные для дураков разрабатывают, а дураков и вовсе к делу не подпускают на пушечный выстрел!

Утречком, чуть только божий свет затеплится в каждом доме, радио включается и нежно так, почти просительно, говорят: Иван, свет Семенович, сегодня возьмите лопату-подборку и надлежит вам вывести десять подвод органики из дворцов членов ученого совета, на лоно природы для улучшения плодородия почв. А Вам, Агрипина свет Николаева, надлежит бадейкой повытаскивать из отхожих общественных ям скопившиеся там органические вещества, и так же принять участие в улучшение плодородия почв». А заканчивают музыкой и говорят: «С добрым утром». И рекламой: «Кушайте больше и оправляйтесь экологически чисто! »

И ни одного худого слова не скажут! Все слова благородные, округлые, можно смело сказать – комфортные и даже бестревожные.

Потому-то, когда берут из среды людей часть определенную, то делают и это тактично. И не было еще случая, чтобы мать о сыне вопила, как это бывало при прошлых правителях, или жена о муже, и не дай Бог, дети о своих родителях!

Вот ведь, как умно, да тонко было дело поставлено, что

никто и не называл такие неприятные слова, как бывало в старые, тоталитарные времена, ну, например: «Забрали на съедение».

Нет! Шиш! Нынче говорят: «Честь оказали, взяли на бессрочную государственную службу!»

Что и говорить – огромная разница! И тут же, буквально следом, придут служащие из органов помощи и опеки, передадут семье не только все вещи «взятого на службу», но и объяснят непонятливым, что на службе у них униформа, от белья и до теплых вещей. Помимо этого, участливого внимания, еще и продуктовый набор оставят в качестве гостинца от «взятого на службу». И Боже тебя упаси, если раз в месяц, какой-нибудь служащий оплошку сделает и не принесет вовремя продуктовый набор.

Этих забирают на перевоспитание, но никто еще не видел перевоспитанных, опять же говорят, что из них спецвойска формируют, потому их никто и не видит.

А такого нет, как это бывало раньше, чтобы дети без родителей остались! Тут такой вой поднимется, что куда с добром, то есть точно – много голов откусят! Ну, а коли что, то тут же кого-нибудь в родители и назначат! Родина приказала, так что исполняй с рвением! С огнем в глазах, а не с мордой унылой и постной! Дети – это святое дело! Кому не понятно? Ну, того тот час в смотровой кабинет ведут и понятие надлежащее там вводят. Глубоко и надолго! За уменьшение поголовья людей Змей Горыныч и без ученого совета голову отхватит! Местная и всякая иная власть во всю старается. Рассказать всего и невозможно. Тут поэму писать надо.

Ну, какой тут сон под это гундливое, местами даже поразительно хвастливое бормотание? Ну, дурак я набитый, но не до такой же степени, чтобы не понимать – смеется надо мной этот гундливый! Ну не выдержал я явного издевательства, явной насмешки над собой! Как ни глуп был, а дошло! Да что там! Над Родиной издевался гундосый! Точно! Над моим «комариным болотом», над моей поскотиной, над моей «испитой лужей», над моей черемухой, в конце концов, которую мы, вот уже третьим поколением по

осени «заламываем» для сбора ягод, а она каждую весну оживает! И до того мне сердце обожгли эти гундливые слова, что вскочил я с сенного ложа и по-отечески произнес несколько фраз, от всего сердца: «Ты, говорю, гундливый, сказки обо мне рассказывай – это нам любо, потому как – «не соврешь не проживешь», да и тоскливо в правде-то жить. И поясняю ему: Потому, говорю, что в правде жить и по правде жить – большая разница! А если этой разницы ты, гундливый, не понимаешь, то, как же ты можешь понять все остальное, что меня - дурака касается? Как же ты можешь рассуждать: в чем моя историческая дурость? А я тебе скажу: в том только, что весь мир живет в правде, а я, Иван-дурак, хочу жить по правде! Потому мир меня и не любит! Не ту идею я в мир несу, какую ему надо, и потому он меня и приговорил и к «Змею Горынычу», и к «испитой луже», и даже к девице-красавице Ладушке!

И тут под стрехой мне показалось некое шевеление, будто что-то там обозначилось: не то лицо человеческое, не то морда баранья, и все тот же дребезжащий голос с некоторым удивлением и даже с иронией явно обращается ко мне: «Не понял твоей мысли, дурак. Поясни?»

– Так я по-дурацки только и умею объяснять, а не по-вашему, по-ученому...

– Да не ломайся ты, как красна-девица, знаем мы, что дурак-то ты дурак, а себе на уме...

– Тогда азбука жизни проста, – говорю я ему. - Всяк живущий в правде - живет по законам, которые сам для себя же и выдумывает. Собственными руками из этих законов клетку себе соорудил и мается в этой клетке. Жить в правде – это жить в обстоятельствах, содеянных руками человеческими. А тот, кто хочет жить по правде, тот хочет жить в обстоятельствах Богом созданных, у тех все законы от Бога. Они в их совести лежат, а совесть та лежит в ларце их веры...

Но тут гундливый меня перебил:

«А ларец тот в зайце, а заяц тот в утке, а в той утке - яйцо, а том яйце игла, а на конце той иглы всё зло мира и нужно

только-то взять эту иглу и отломить кончик, и тогда в мире зла не будет! Эта сказка известная и вариантов её полным-полно. И для Ивана-дурака задача самая подходящая, особо, если он царских кровей... Кхе, кхе! Черт, ну и пылища же здесь, прямо сенная лихорадка не иначе! Н-да! Одна неувязка только тут, махонькая такая... Ну отломит тот царственный дурак конец иглы, а куда же он этот кончик выбросит? Самого главного дурак и не додумал - экологии зла! Всё преодолел, всё прошел, а на этом месте споткнулся! Задача-то оказывается, не решаемая! А все потому, что у него избыток деятельных сил и недостаток сил умственных! Куда этот кончик ни брось - везде жизнь! Значит - эта самая жизнь и разнесет это самое мировое зло опять по миру! Был когда-то мудрец древний, который сумел-таки все это зло собрать на конце иглы и спрятать его в заповедном месте. Кащей бессмертным создал, чтобы никто до этой иголки не добрался, так нет! Иван-дурак испокон веков только тем и занимается, что трудности немыслимые преодолевает, чтобы это зло добыть и кончик сломить, да потом этот кончик бросить...

– Почему же бросить? - перебиваю его я, поскольку уже невыносимо стало его поучения терпеть! - Опять в ларец его. Отломленный, поди, не страшен будет, поди, тогда все и будут жить не в правде, как нынче живут, а по правде...

- Поди, поди! Дурак! – загремело под стрехой. – А ты, поди! Ты его себе в зад засунь. Смешно! Какая экология будет? Какие очистные сооружения тогда выдержат? Сколько процентов национального валового продукта на это уйдет? Ты считать, дурак, умеешь? Ты ж тогда мировой океан отравишь!

И тогда, какой я дурак ни был – понял, чей голос был под стрехой и кто мне такую сказку сочинил, и почему так упорно этот мир противится идее жить по правде, а стремится, чтобы все без исключения жили в правде. В его, разумеется, правде! Гуманоидной!

Потому как - в правде человек испокон веков живет, а по правде, то есть по образу человеческого, по отражению этого образа в совести, редко кому удается, а кто упорствует в этом,

того гонят, гонят и гонят! Идея эта шибко вредная для нынешнего миропорядка, когда сотни, если не тысячи дураков работают на одного Змея... Надо же, какую бодягу развел! Сказочник, мать твою... Экологист, одним словом!

И вот что важно, что мне моим дурацким умом совершенно невозможно перешибить его! Ну, хотя бы потому, что это его канцелярия справку дает, что меня можно использовать исключительно на тяжелых и примитивных работах. Да и когда в документе указано, что я дурак от рождения, то что бы ни сказал – все заведомо глупо!

Тут еще ученый совет проект вынес, чтобы всем дуракам на спины нашивки делать в виде пиковой масти. Чтобы дурак был не только документально, но и визуально обозначен в обществе!

Правда слух тут дошел, что против этого проекта депутатша Ладушка выступила, а перед тем морду змею Горынычу в кровь расцарапала! И это тоже удивительно! Потому как морда у змея – точно видел, бронированная! А ссора произошла из-за того, что Змей выписал из-за границы средство от женской фригидности, ну и... Скандальная история получилась, прямо скажу, некрасивая.

Средство-то было хорошее, действительно помогало здорово, но у него побочное действие было, а о нем умолчали! Одним словом, все жилочки возбуждало, все нервочки оголяло, как провода электрические - не дотронься! А слабило! Да так слабило, что с унитаза оторваться невозможное дело! Бедственное прямо положение! Все тело так и пылает охотой, а как унитаз покинешь?

Ученые приезжали и нашли причину в ржаном хлебе! За границей дамы не токмо ржаной хлеб, но и вообще хлебные изделия избегают к употреблению ну, а наши без хлеба куда? Вот и беда приключилась. Зря, что ли, говорят: «Что нам здорово, то другим – смерть!» Так ведь эта формула и в обратном направлении верна! Ну, это умных касается... А нам, дуракам, что? Мы от таких «фригидных» дел своих-то дур настойкой из клопов потчует, и никаких тебе побочных эффектов! Правда вонь изрядная, да мы к вонии привычные,

1 как никак эти земнородные нас своей экологией к
2 естественной вони приучили, а клоп – насекомое домашнее,
естественней и не бывает, разве, что таракан рыжий с ним
потягаться может...

Ну, и на последок скажу, что быть дураком стало выгодно и почетно! Телек включишь, а там на всех каналах только и дураков кажут! Умного не увидишь, нет! А эти народ развлекают, косоротятся, ну, куда тебе с добром! Слово попутному не скажут, а все косорото!

Все умные хотят получить справку, что они дураки, да шишь! Государственная комиссия теперь назначена, так что ежели мало-мало ума есть, то всё – справку не дадут! Ну, в самом лучшем исходе напишут: «Пригоден для исполнения низших должностей» – и баста! Сидеть тебе до скончания в начальничьем кабинете и управлять! В самом лучшем исходе, банешкой какой-нибудь, а то могут и в мэры определить! Тут-то уж взвоешь, потому как по новому закону – все тебе решать, И как бабе рожать, и как умереть, а про остальное наше дурацкое житье в двух словах и не скажешь!

А всем остальным так и на лбу штамп ставят: «Пригоден для исполнения тяжелых физических работ». Вроде и не дурак, получается, и умным уже не назовешь. Это, как Ладушка по своим теремным комнатам ходит: и не одета и не гола, а промеж... То же ведь, выхлопотала сердечная, чтобы в прислуге, в качестве ночного охранника, обязательно доставляли ей самого отменного дурака! Разумеется, не навсегда, а только в командировку, не более чем на месяц, чтобы не дай Бог привязанность не возникла. Ревнив Змей страшно и подозрителен после того случая стал, невероятно!

– Травму, - говорит, - ты мне тогда Ладушка нанесла невероятную, когда в банном виде, но без березового веника я Ивана-дурака застал в твоих спальнях покоях.

А та хохочет: «А чего ж ты у него яйца не выдрал? У Бовы-королевича выдрал, у всех остальных выдирал, а у этого не стал?»

– Так ведь политика, Ладушка, подкузьмила! Кабы не политика, кабы не твоя охота по заграницам ездить... Кабы

отгородились...

Засмеется Ладушка, словно колокольчики серебряные под дугой затенькают: «Постарел ты, Змей Горыныч, ой как постарел! Тебе бы омолодиться надо. Шкуру бы старую сбросил, всё бы свежо дышалось... В океан бы выплыл... Там много изменений произошло...

–А ты откуда знаешь?

– Так я же у тебя вроде как секретарь, да к тому же и ученый, так что донесения все прочитываю, до усталости в глазах!

– Умная ты моя! Как бы я управлял без твоей-то умности? Без твоего-то ночного совета? Только кто мне молодильные яблоки достанет?

– Да как, кто? А Иван-дурак на что? Он и достанет! Из-под земли копытом выроет, а принесет!

–Сам по дороге и сожрет!

– Да не в жизнь! Во-первых, на это у него ума не хватит! Во-вторых, у него же совесть! А где совесть, там и долг, а где долг, там и порядочность...

–Слова ты какие-то говоришь, Ладушка малопонятные, прямо сказать – старорежимные слова, а ну как подслушают и на ученый совет вынесут?

–Так тебе что важнее, молодильные яблоки, или этот ученый совет? – Ладушка умела ставить вопросы ребром! – Тебе важнее стариком умереть, или омолодиться?

–Омолодиться, конечно, но прежде хотел бы я убедиться... Пусть Иван-дурак два яблока достанет: одно для эксперимента сам съест, а другое мне отдаст.

И тут опять под стрехой что-то ухнуло, и опять дребезжащий (я уже его в раздражении стал называть – козлящим голосом), произнес: «А это уже совершенно из другой оперы, то бишь сказки! Все-то вы, господа мои, в кучу сбили, свертели... Одним словом получился у вас винегрет... Не научно как-то и, что это такое? Противопоставили союзы «в» и «по» «в жизни и по жизни» – это, господа мои почти, а точнее - совершенно одно и тоже! Надо же! На ровном месте возвели целую философскую башню! А где спрашивается

фундамент? А нет фундамента! Висит она вопреки всем законам природы в пустоте мироздания, а висит только и исключительно потому, что имеет в себе пустую начинку. Что есть совесть? Это остаточное явление от неудовлетворенного желания! Удовлетворите желания, и не будет у вас совести и всех переживаний, связанный с ней! Что такое закон? Закон – есть право! Право, разумеется, того, кто это право имеет! »

– Эй, на сеновале! – мог ли я спутать с кем-нибудь голос завхоза Данилыча? – Ты долго дрыхнуть намерен? Вставай, дурак! Дров наруби, да помельче, печку растапливать нужно, вся изба выстуженная! К тому же и пожрать нужно приготовить! Сам бы мог догадаться, э..., да что там!

А Данилыч-то, как есть рябой! – Подумал я, спускаясь с сеновала, и вдруг пронзила меня мысль: «А может ему в рожу его рябую кулаком захватить, а? Вот сейчас спущусь и, и в рожу?»»

И затрепетало мое сердечко от предчувствия, вот ежели я, да другой кто таким рябым в морду кулаком заедет, то произойдут сразу решительные перемены. Во всем! И даже в моей дурной голове! В голове-то, может быть, в первую очередь! А то ведь сплошная насмешка, чуть глаз закроешь в дрему впадешь и лезет, и лезет всякая чертовщина обидная! Ну, сколько же это можно? Деду мерещилось, отцу – казалась и вот мне? В наследство, что ли, досталось? Не хватит ли?

Апрель 2005 года

НОВАЯ СКАЗКА ПРО ИВАНУШКУ-ДУРОЧКА.

Жил да был в одном селе Иванушка-дурачок. Парень из себя статный, красивый, а дурачком прозвали по причине его внезапной задумчивости. Косят, бывало, траву отец да братья Иванушки, и он с ними, не отстает, идет нога в ногу и вдруг остановится; обопрется на рукоятку косы, глаза свои синие уставит в землю и ни с места. Отец за плечо тронет: «Ты чего встал?» Братья ругаются: «Работать нужно, пока погода позволят!» А он стоит сердечный в задумчивости и ни отца,

ни братьев не сгышит.

—Чего встал!? - вдругорядь рявкнет отец и оплеуху отвесит. Иной раз дрогнет сердце отцовское, что с дурака взять, да и спросит по-доброму: «О чем Ваня думаешь?»

—Да вот, думаю, - отвечает Иванушка, - на кой ляд мы траву косим, красоту природную губим?

—Дурак ты, как есть дурак! - обозлится отец на такие слова. - Деды наши сено заготовливали, и отцы нам эту работу заповедали, да и чем скотину зимой кормить?

—И то... - согласится Иванушка и примется траву косить, как ни в чем не бывало.

И вот, однажды, приснился Иванушке-дурачку сон: видит он поляны цветочные, а посреди поляны стоит девушка в цветочные одежды одетая, короной из камней драгоценных украшенная. Стоит и улыбается ему, рукой приветливо подзывает к себе. Глаз от такой красоты Иванушка отвести не может, ноги ослабли, только душа к ней так рвется, что, кажется, вот-вот из сердца выскочит.

—Кто ты? - наконец разлепил свои губы Иванушка-дурачек и спросил своё сновидение.

—Я-то? - улыбнулась девушка. — Угадай, ежели угадчивый?

—Мечта моя, - выдохнул Иванушка. - Как есть, моя мечта заветная. —Может, и так, а может, и нет, - ответила девица и добавила: «Вот ежели ты сыщешь меня, тогда и узнаешь, кто я такая». Сказала и пропала, потому, как отец за плечо тряс, на работу будил: «Вставай дурак, нечего сны рассматривать, скот не кормлен, не поен».

Справил Иванушка работу по хозяйству, а сон все из головы не идет, видение той девушки застилает навозные кучи, и не раз тяжелые вилы промеж тех куч пустой воздух пронзали.

Вечером Иванушка-дурачек огорошил отца с матерью, да и братовой рассмешил до коликов в животе.

—Пойду в мир искать мечту свою, - сказал Иванушка и добавил: —Простите мне, ежели я кого обидел». И поясно поклонился; вначале отцу, а потом матери, братьям особый поклон сделал.

1
2
Мать, конечно, в вой-плач, отец было за ремень, а Иванушка в окно, только его и видели. Бегом бежал версты две, а потом на шаг перешел. Месяц на небе висел новорожденный серпиком крохотным, каким бабки-повитухи в деревне младенцам пуповину отрезают. Темно. Пришлось Иванушке у куста рябинового ночлег просить. Зябко было, да под утро сон недолгий сморил, и приснилась ему та девица, но в ином облике.

Бредет она нищенкой по улице огромного города и всякий прохожий с дороги своей отпихивает – чего, мол, под ногами вертись? А другой, сострадательный, да словоохотливый остановится и начнет выговаривать: «Шла бы ты в приют, девонька, там бы тебя уму-разуму научили бы, к делу приставили».

Видит и слышит все это Иванушка во сне своем, и сердце его кровью обливается до того жалко ему ту нищенку, спасу нет, а сделать ничего не может, ни встать-крикнуть, ни рукой пошевелить, только глаза вострые, да слух имеет при себе.

И вот подходит к той девице человек в одежде роскошной, из себя видный, да статный. Ежле бы Иванушку причесать-прибрать, как есть – он. И говорит ей: «Пошли со мной, помою и накормлю, - замолчал, а потом опять: «Правда, тебе говорю! »

Увидел Иванушка, как встрепенулась та девушка-нищенка, как огнем лучистым блеснули её глаза, и проснулся на самом интересном месте.

–В город идти нужно, в город и пойду, - решил он. - А там, как Господь рассудит. Верующий был Иванушка, как все христианские люди на Руси святой. Пока до города шел, всю одежку истрепал и обувь стоптал, а перед тем, как в город войти, остановился он на ночлег в избенке одной, что стояла на отшибе от всей деревенской улицы.

Пока светло было, помог по хозяйству старушке одинокой: забор поднял, в крыше дыру залатал, воды в баньку наносил, дров наколот, сам же с позволения хозяйки, баньку истопил. Когда из баньки пришел, старая на стол накрыла, вечерять позвала, да между едой стала расспрашивать.

–Вижу не нашенский ты, дух от тебя мужицкий идет, давно, как помер мой суженный, этим духом в избенке моей не пахло. Из краев видать дальних. Только в толк не возьму, чего ты в наших краях ищешь, чего потерял? В наших краях мужиков повывели и ты – пропадешь.

–Не сподручно мне об этом говорить, бабушка, – отвечает ей Иванушка, а сам вежливо, рушником губы утирает, знак подает, что сыт.

– Хочешь - угадаю? - сказала старая и свечу восковую с божницы достает.

– Запрещает моя вера христианская на судьбу ворожить, - говорит Иванушка. - Слыхано ли дело Господу вопросы задавать?

– Вот, стало быть, ты какой, - сказала старуха и свечу восковую опять за иконку Христа-Спасителя засунула. - Не хочешь, значит, судьбу спрашивать? Ну-ну, а вить она тебя спросит. Как пить дать, спросит.

Пропустил Иванушка мимо ушей последние слова старой, да отвечает ей, как по-писанному: «Не хочу ворожбы. А пусть будет так, как Господь обо мне решит».

–Ну, тогда без ворожбы скажу тебе, что ищешь ты деву-Правду.

И тут перед глазами Иванушки опять видение прежнее, словно сон тот давешней заново видит: «Пошли со мной, помою и накормлю», - говорит нищенке добрый молодец, богатей известный. Отчего богатей, то сердцем своим угадал Иванушка, и взревновало ретивое, распалилось жарко. Кажись, попался бы под руку, грех на душу принял, убил бы.

Помолчал добрый молодец, давая девице время дух перевести, да взял её за руки голые, повернул лицом, перед лицо своё, да и говорит властно так: «Правда, тебе говорю! »

Встрепенулась та девушка-нищенка, огнем лучистым блеснули её глаза, сказала, потупя взор: «Откуда ты знаешь, как меня звать?»

–Так кто же тебя не знает-то, нищенка?! - он опять грубо схватил за плечи девичьи и подтянул к себе. - Все я купил, все у меня есть – и виллы заграничные и яхты, и самолеты, а

1
2
заводов – не счесть, только тебя у меня нет.

– Да зачем же я тебе такая нужна? – спрашивает его девица. – Не прибранная, в отрепье старом?

– А затем, – отвечает ей добрый молодец, – что посажу тебя в отдельную комнату, под стражу крепкую и во всем свете будет одна правда и та, моя.

И опять на самом интересном пропало видение.

– Э, да ты устал, – сказала старуха, – за столом спишь. Пошли, я кровать мужнюю для тебя приготовила.

Пошел за ней Иванушка в горницу, а сам думает, что же Правда сказала тому молодцу, а старуха, словно мысли его подслушала, да и говорит Иванушке: «А она всем одно и тоже говорит: «Нет и не будет». Вот и тебе, если ты её найдешь, тоже самое скажет. Потому, как правда только тогда правда, когда нищенствует и когда ничья. А как станет чьей, так в девку-потаскушку превращается».

Только зря она говорила об этом Иванушке, потому как – он проспал все её последние слова. Утром, старуха приготовила для Иванушки одежду чистую и справную в такой в городе показаться не зазорно.

– От сына моего, без времени почившего, осталось, – сказала старая. – Тебе впору должна быть его одежда и обувь.

– Чем же я отблагодарю, чем рассчитаюсь с тобой? – спросил Иванушка и сокрушенно развел руками.

– А тем, что схоронишь меня позади двора, молитву положенную сотворишь над моим гробом.

Смутился Иванушка, помрачнел, да и говорит: «Ты еще, старая, жива-здоровая и Господь, может статься, годы твои продлит надолго, а мне в дорогу нужно».

– За мной дело не станет, сказала старуха, за тобой дело.

– Страшные слова ты говоришь, старая, получается так, что я в твой дом смерть привел?

– Да нет, милый, она за моим плечом стояла все это время и только временила, пока не появится ли кто, что смог бы тело моё к земле прибрать. Ты появился, а она мне шепнула, пора мол.

Духом упал Иванушка, кошку-то хоронил свою любимую,

плакал на смех братьевьям, а как человека схоронить? Не привычное для него это дело.

– Священника бы надо, - сказал Иванушка.

– Надоть, надоть, да где его взять нынче, священника-то? - проворчала старая. - Нынче всех священников извели, а ежели есть, то одни попы, а что поп, что мирянин, одно и то ж перед Господом.

– Неладное ты говоришь, бабушка. Я, конечно, грамоте учен, но не настолько, чтобы псалтырь читать над усопшим, - сказал Иванушка.

– Вот насколько учен, настолько и прочтешь. Не век же читать, а одну только ночь сѣднешнюю, - возразила старуха.

– Ну, рази так, рази выхода нет, то, стало быть, обещаю, что прочту.

– В баньке вода еще теплая осталось, - говорит старушка, - пойду помоюсь, уберусь, а ты с вышки гроб стащи, да на стульях поставь в горнице.

– Одному не сподручно такое делать, бабушка, – сказал Иванушка смирившись с неизбежным.

– А кто сказал тебе, что один будешь? Я помощника тебе дам, - и подошла она к русской печи, вытащила из зева кочергу закопченную, да и говорит: «Петр Петрович, суженный ты мой, помоги доброму молодцу дело сделать, меня схоронить».

Превратилась тут кочерга в мужика здоровенного. Поклонилась старуха поясно ему в ноги и сказала: «Спасибо тебе, сокол ты мой ненаглядный, что не оставил меня одну в мой смертный час».

Иванушка стоит ни жив, ни мертв, только мысленно молитву Иисусову повторяет: «Спаси и сохрани».

Старая повернулась к Иванушке, да и говорит: «Не бойся, если Правду пошел искать, да себе в суженную захотел, много чего увидеть доведется такого, от чего кровь в жилах застывать начнет. А был у меня с мужем моим уговор-договор, коли одна останусь, то перед смертью моей придет он ко мне, чтобы упокоить тело мое. На том и порешили, а муж-то у меня кузнец был, оттого домишко наш и стоит

1 против других домов на отшибе, вот он мне кочергу и сковал.
2 Душа его в кочерге той была, а уж когда я упокоюсь, то и ей свобода, чтоб пред Господа предстать. И уже выходя из избенки, с порога сказала: «Он голоса человеческого не имеет, но дело свое знает». И ушла в баньку, омыть себя, к гробу приготовить.

Помощник у Иванушки толковым оказался, Иванушка только подумает, а он тут же готов на подмогу. Пока бабка мылась, гроб сволокли с вышки, в горнице установили. Бабка пришла и выгнала их из горницы: «Неча глазеть, к вечеру придете, готова буду».

Молчком просидели они во дворе до сумерек, словно во сне пребывал Иванушка все это время, а потом увидел, как вздрогнул его молчаливый напарник, привстал и посмотрел на Иванушку. И понял тот, что как не хочется, а идти надо.

В комнате, в гробу лежала старуха, а на столе раскрытый тропарь. Один только раз глянул Иванушка на мертвое тело, а запомнил на век. Словно живая лежала она в гробу, даже щеки порозовели и округлились, а больше не смотрел, страшно отчего-то делалось ему. Взял тропарь Иванушка в руки и, не глядя по сторонам, стал читать. Свеченьки потрескивают, воск плавится и по тонкому фитильку к пламени притекает, кормит собой пламя яркий воск и запах медвяный по горенке растекается, кружит голову Иванушке, в задумчивость вводит.

—Христианка вроде бабушка, - думает Иванушка сквозь слово молитвенное, - вот и тропарь заготовила, меня упросила читать, а из кочерги мужика сделала? Как так? Думает Иванушка: «Уж не подвох тут какой? Не черту ли в руки попал?» И еще неистовой начинает проборматывать слова молитв древних.

Прервался, когда пить захотел. Огляделся вокруг, а помощника своего не увидел. Когда в горницу входили, на лавку сел, а вот нет. Вышел на кухню, зачерпнул ковшик колодезной воды и тут взгляд упал на кочергу в печном зеве. Жутко стало ему от этого и, чтобы лишний раз не выходить в кухню, не покидать освещенной свечами горницы, прихватил

с собой ковшик воды. На рассвете услышал Иванушка звуки работы позади стены горницы, в палисаднике. Выглянул в окно и увидел Петра Петровича, по пояс в выкопанной могиле. Он поглядел на Иванушку и махнул ему рукой. Жест был красноречивый, мол, продолжай свое дело.

К обеду схоронили они бабу, и только крест деревянный Иванушка укрепил, как услышал, что позади его что-то звякнуло, обернулся, а позади его там, где помощник только что был, кочерга лежит. Взял Иванушка кочергу и отнес её в дом, сунул в зев печи и засобирался в дорогу. Не стал бабушкин узел с одеждой распаковывать, в руки взял, да так с узелком в руках и вступил в город.

Долго ли коротко времени прошло, кто знает, только Иванушка в том городе живет, хлеб жует, пивом запивает и горя не знает. Так уж получилось, что как одел он на себя белье бабкиного сына, так и забыл про видение свое. Более того, нашел он в потайном кармане паспорт со своей фотографией, червонцы новенькие и книжку-сберкнижку в которой суммы многозначные стояли. Словом, превратился Иванушка-дурачок в Ивана Емельяновича Завгородного. Купил себе дом в центре города, машину на рессорах заграничного производства, магазин завел и девок молодых нанял в продавцы. И так было с ним, покуда он бабкин подарок окончательно не сменил на одежду покупную, а как сменил, тут и все началось.

Сидит Иван Емельянович в своем кабинете, на заграничный манер сделанном, а на коленях его девица сидит и в ухо слова разные говорит, зубиками крохотными покусывает, губками причмокивает - щекотно.

И вот, в это самое завлекательное время, подступило к Иванушке видение, и видит он, что стоит будто на берегу речки бурной, а на другой стороне девица стоит, простоволосая, в пестром платье в голубой горошек, а ноги босы. Стоит и говорит ему что-то, а воды потока шумят, голос заглушают. Вошел Иванушка в ту реку бурную, в воду ледяную, остудную, по грудь зашел, и сердце от холода перехватило, в горло ударило сердце и упало на самое дно

живота, и там трепыхнулось, затихло.

Взвизгнула девица, соскочила козочкой дикой с Ивашкиных колен, и тут он очнулся от видения, а девица та уже юбку надевает и смотрит на него с диким страхом в глазах. Не стал её Ивашка удерживать, переменялась у него душа от того видения и смертного страха, что пережил. Ударил он себя по лицу ладонями и выкрикнул: «Добро же, бабушка, за твой подарочек!»

Словно ветерок легонький прошелестел: «На здоровье внучок, живи не бедствуй».

—Что же это я? - спросил себя Иванушка. - Да как же это я, Правду посмел забыть? Мечту свою в этих покоях схоронить? И решил Иванушка уйти в самые, что ни на есть низы человеческие, потому как помнил, что Правда в рваных одеждах была. Решить-то решил, да не тут-то было, две сотни людей вокруг Иванушки кормились, детей растили, обували, одевали, уму-разуму учили, почти под тысячу выходило, кому от его богатства в дом хлеб-соль поступала.

Задумался Иванушка, как раньше не задумывался, и чем дольше думал, тем больше понимал, что не найти ему Правды, одна надежда теплилась: «Буду ходить по темным углам, по ночлежкам, может, где встречу Правду».

Но тут ему голос какой-то словно откровение отрывает, вшоптывает ему слова такие: «И с чего ты взял, что правда «голой» ходит? Это тебе показалось так, да бабка наплела несуразное. Правда во дворцах живет, на яхтах плавает, государствами управляет. Разве нищая правда может людям работу дать? Голова, рассуди! Да и на самом ли деле ты Правды захотел, Правду в своих юношеских видениях вымечтал?»

И точит, точит его этот голос и уж совсем, было, напрочь источил Иванушку, да случился в том городе пожар великий, и все добро Иванушки в пепел превратил, едва сам живой из собственного дома выбрался.

Стоит он на пепелище и смотрит, как искорки из тлеющего дерева выскакивают, словно огненные духи какие-то. И вот слышит, что его кто-то за рукав подергивает, обернулся и

обомлел. Стоит перед ним Правда и в глаза смотрит.

– Правда, - выдохнул из себя Иванушка.

– Правда, - ответила та и засмеялась. - Уж куда правдивее; был богачом, а стал нищим.

Смутился Иванушка, не понимая, то ли насмешка над его горем, то ли что другое: «Я в видениях тебя видел», - сказал он и попытался поймать её руки.

– Меня многие видят, - сказала она, - да обманываются, когда находят. Помедлила она малость, да и говорит: – Пойдем, чего стоять то на холодном ветру. У меня не такой роскошный дом, а всего лишь комната в коммуналке, но для тебя место найду.

Пошел за ней Иванушка-дурачок, как бычок на поводке у хозяйки. Ничему не научила его жизнь в богатстве и почестях, три года, словно три дня прошли. Так подошли они к зданию серому, светом не освещенному, поднялись они по ступеням скользким, выщербленным, на последний пятый этаж. Провела Иванушку та девица по коридору длинному, под взорами любопытными в свою комнатку.

– Вот здесь я живу, - сказала она, подставляя Иванушке стул. - Вот ложе мое спальное, а все удобства человеческие по коридору налево. Ежели есть-пить захочешь, то в холодильном шкафчике найдешь и поешь, и попить, а я к подружке своей, Надежде, ночевать пойду, чтобы о нас лишних разговоров не разговаривали.

Не нашелся, что ответить Иванушка, словно никогда не имел дело с женским характером, переменчивым как осеннее солнышко. Пока соображал что, да к чему, Правда ушла, только легонький запах от неё остался, словно кто в комнате той флакончик с духами открывал и каплю обронил на пол. Лежит Иванушка на белоснежной простыне, одеялом байковым укрытый, и думает: «За каким лядом Правда меня сюда привела?»

И в такую задумчивость впал, что не знамо как уснул и опять ему снится стародавний сон: видит он поляны цветочные, а посреди поляны стоит девушка в цветочные одежды одетая, короной из камней драгоценных

1
2

украшеннѣя. Стоит и улыбается ему, рукой приветливо подзывает к себе. Глаз от такой красоты Иванушка отвести не может, ноги ослабли, только душа к ней так рвется, что, кажется, вот-вот из сердца выскочит. Перемог свою слабость Иванушка и пошел к ней.

Идет-бредет, ногами за траву цепляется. Вроде не далечко была та девица, а показалось ему, что шел до неё всю свою молодую жизнь. Подошел, руки простер, обнять хочет, к сердцу своему стукотящему прижать, а там и помереть не жалко, такая на него нежность накатила, такая жалость не понятная к чему, то ли к девице, то ли к себе пришла, что слеза из очей выкатилась.

— Не плачь, - говорит девица, - не стою я слез твоих, а лучше обними меня и поцелуй.

Обнял её Иванушка, уста медвяные в свои взял, сладко. Только руки почувствовали изменение в теле её. Когда обнимал, тело было упругое, молодое, а сейчас под ладонями кости выпирали. Открыл глаза и увидел, что стоит перед ним та самая старуха, что схоронил Иванушка позади двора, да и говорит: «Экий ты дурачок несуразный, зачем думы юношеские подпустил к себе? Зачем своему ретивому свободу дал? Все я для твоей жизни сделала, в люди вывела, серебро-злато дала, думала; ты жизнь моего сына погибшего проживешь, а ты свою прожить захотел, вот и приключилось с тобой беда. Зря ты белье сыновнее, заговоренное любовью материнскою, променял на покупное».

Опустились руки Иванушки, подкосились ноги его быстрые, сел он на цветочной поляне, где стоял. Голову свою руками обхватил, молитву заветную, Иисусову вздумал прочесть, а вспомнить не мог.

Много ли, мало прошло времени, только спрашивает он у старухи: «Ты скажи мне, отчего моя мечта заветная в тебя, старую, обернулась?»

— Ха-ха-ха! - рассмеялась старуха. - Отчего ты взял, что я старая? Это тело мое постарело, а душа моя как была молодой, так и осталась. Слепой ты, как кутенок, а ты погляди внутрь меня.

Поднял глаза Иванушка и видит: стоит перед ним Правда и грустно так на него смотрит, словно жалеет Иванушку: «Видишь, - говорит она бабкиным голосом, - и не старая я вовсе».

Жутко стало Иванушке, вскочил он на ноги резвые и ну бежать с той поляны цветочной. Бежит, вроде, быстро, а все с того места не сдвинется. Уже и сердце стучит возле горла, выпрыгнуть хочет, а спиной чувствует, что бабка та, вот она, в полушаге от него. Кричит что-то в Иванушке: «Проснуться надо, проснуться!» А сон тяжелый, глубокий, как вода стоячая в омуте озерном, в самую глубину втянула-всосала та вода Иванушку, и вдруг все разбилось на тысячи мелких осколков, как тишина предрассветная разбивается колокольным перезвоном. Проснулся Иванушка, а пот холодный лицо его заливает, на грудь с подбородка каплями капает.

Огляделся он, и видит себя среди множества белых коек и понял он, что лежит в палате больничной, а в синие жилки на его руках иголки стальные вставлены, и капает сквозь те иглы в него лекарство разное. И еще увидел он, что возле его койки сидит мать, голову склонила на грудь, дремлет.

И опять, зашло сердце Иванушки от жалости к своей родительнице и от презрения к себе за свою забывчивость. Проклял сам себя Иванушка словами страшными, а легче от того не стало, только провалился Ивашка снова в беспамятство.

Видит, подходит к его больничной койке девушка в платье черном не по моде сшитом, до щиколоток, на голове черный плат, печально на него смотрит, да и говорит ему с легкой укоризной: «Оставил меня, забыл».

А Иванушка ей отвечает: «Как же я мог тебя оставить, когда в первый раз вижу?»

– Ой, ли? - спрашивает его девица. - Ты приглядишься ко мне повнимательней, разве не узнаешь?

– Нет, - отвечает Иванушка, - в первый раз вижу.

– Вера я, - называет себя девица. - И хоть я в твоём сердце не много места занимала, но была таки. Пропадешь без меня-

1 то!

2 Много ли, мало времени прошло, только очнулся Иванушка от беспамятства и видит, суетятся вокруг него люди в белых халатах, а лежит он не где-нибудь, а в собственном кабинете на диване заграничного изделия и секретарша его, Лидочка, позадь тех докторов стоит.

—Ну, слава Богу, вышел из комы, - сказал усатый доктор, обернувшись к секретарше. - Промедлили бы Вы, голубушка, еще несколько минут и всё, не было бы на этой земле Вашего босса. Должен он Вам памятник поставить, да и нам, грешным не мешало бы чего-нибудь к чаю от его щедрот.

—Будет Вам, Автондил Свиридович, - сказала полная тетка в таком же белом халате, как у Автондила Свиридовича. - Надежда всегда умирает последней.

— Так-то оно так, - согласился доктор, - а все-таки умирает. Да, да, умирает, голубушка! Точнее сказать — с ней-то и умирают!

И опять провалился Иванушка в беспамятство, опять его закружило и понесло в воронку черного омута.

—С Надеждой будет тебе хорошо, Иванушка, - прошептал кто-то ему на ухо. - Девица она обстоятельная, заботливая, ласковая, не то, что я.

Открыл глаза Иванушка и видит себя в комнате крохотной, куда его привела Правда и оставила его одного на своей постели белоснежной.

—Вот, - говорит Правда, - привела я тебе свою подругу, Надежду, поскольку ты мной побрезговал.

—С чего ты взяла такое? — Возмущился Иванушка. - Сама ушла.

—А ты не задерживал.

Силится Иванушка сказать, что не правда, мол, а она говорит ему, словно мысли его неизреченные читает:

— Правда, правда. Вспомни поляну цветочную и объятия твои жаркие, как ты целовал меня, а потом, когда увидел какая я на самом деле, бежать бросился. Правды не вынес.

И опять хочет сказать Иванушка, что «не от тебя я бежал, а от старухи», а Правда опять ему говорит: «Так ведь, не одну

тысячу лет живу на земле, есть от чего состариться, а душа моя вечно молодая».

Сказала и засмеялась, словно колокольчики мелкие перезвон устроили: «Дурачок ты Иванушка, как есть дурачок, потому как не знаешь, что женщина не стареет, а только тело свое изнашивает».

Сказала и превратилась в белое облачко. Ветерок легонький в форточку потянул, и выплыла она из комнаты. Приподнялся Иванушка с ложа белоснежного, а Надежда тут как тут: «Ничего, - говорит, - Иванушка, жизнь все в муку перемелет. Ты, да я, вместе все заново обустроим. Только ты зря белье бабушкино с себя снял. Кабы не снял, то Удача с тобой бы неотлучно была, а теперь у тебя только я и осталась».

—А как же, Правда? - спрашивает Иванушка.

— Правда сама по себе, а когда человек с Правдой живет, то ему от этого одни в жизни неудобства, потому как видит такой человек, не то, что ему должно видеть, а то, что на самом деле есть. Вот ты только мгновение с Правдой был, а уже не выносимо для тебя стало то мгновение, потому как увидел ты Правду без прикрас, а такой, какая она есть.

И стала та девица ласкать-миловать Иванушку, как никакая прежде его так не миловала. «Хорошо тебе со мной Иванушка? - спрашивает Надежда. - А погоди, еще лучше будет. Все только начинается».

Много ли, мало времени прошло, только очнулся Иванушка вдругорядь в собственном кабинете, на диване итальянской работы, в окружении врачей и слышит, как они о нём толкуют.

—Я настаиваю на том, чтобы немедленно, слышите, срочным образом поместить его в клинику, - говорил Автондил Свиридович, секретарше Лизе. - Видите, какое нестабильное у него состояние?»

А потом закачалось под Иванушкой его ложе, что-то заскрипело, зашуршало, послышался звук работающего мотора и он опять провалился в беспамятство.

—Со мной не пропадешь, - говорила Надежда, помогая

Иванушке одеться. - Я сильная, либо из беды вытащу.

Хорошо стало Иванушке с ней, спокойно, думать ни о чем не нужно. Надежда все наперед знает: «Только меня одну имей и ни на что другое не меняй, - говорила она, спускаясь с Иванушкой по темной лестнице. - Рано или поздно, а всё разрешится в самом разлюбезном для тебя виде».

Стал жить Иванушка с Надеждой на окраине того города. Топор, да пила кормили их, а Надежда перед тем как в постельку с Иванушкой лечь, говорила ему: «Рано или поздно, а все переменится, и заживем мы с тобой сытно, да богато. По заграницам ездить станем, детишек заведем, дом себе купим лучше и краше, чем тот, сгоревший, ты только меня не бросай».

Летят годы один за другим, словно косточки на старинных счетах щелкают, вот уже в три десятка сложились, а Надежда все одно и то же говорит, лаская Иванушку, мол «все перемелется, все переменится, только меня не бросай».

Уже и топор из Иванушкиных рук вываливаться стал, не к месту и не вовремя, а перемен все не видать, и подступило время, когда Иванушка своего тела с кровати поднять не мог. Надежда и тут его не оставила: «Ничего, Иванушка, это бывает. Не железный чай и прибореть не грех. Я тут травок полезных собрала, отвар сделала, ты только меня не бросай, и все переменится, все в лучшем виде образуется».

Только проговорила она слова успокоительные, как захохотало в синем небе, словно гром грянул и кто-то рявкнул в уши Иванушки: «Дурак! Правды не вынес, Веру потерял и Надеждой тешится! Что Надежда без Веры?! »

Очнулся Ивашка уже в третий раз. Огляделся он и видит себя среди множества белых коек, и понял он, что лежит в палате больничной, в той самой, куда к нему Вера приходила, укоряла его. В синие жилки на его руках, иголки вставлены, и капает сквозь те иглы стальные в него лекарство разное. И еще увидел он, что возле его койки сидит мать, голову склонила на грудь, дремлет.

-Мама, - прошептал Ивашка. - Милая моя мама, как же ты меня нашла?

Очнулась мать от дремоты, глаза свои на сына годняла и сказала: «Чутье материнское меня к тебе привело и любовь безмерная. Когда ты из дома ушел, выплакала я глаза свои по тебе, потому как дурачок ты, а такой неустроенный для жизни сын, дороже всех других сыновей матери».

Обидно стало Иванушке, что мать его дурачком, как и прежде, называет, и говорит ей: «За любовь твою и заботу спасибо тебе, а вот дурачком называть меня как - то глупо. Кабы был дурачком, то не имел заведения с миллионными месячными оборотами, А что в больницу попал, так то сердце мое от мечтательности моей не выдержало».

—Эка невидаль, - говорит мать, - богатство нажить. Мало ли людей в богатстве несчастны? Ты счастье свое найди, а с ним и в нищете хорошо. Сказала эти слова и пропала, только запах с детства знакомый в палате остался, слабенький такой, словно полынка молодая растерта, да с парным молоком смешана.

Загорелось сердце Иванушки материнским советом, бросился счастье искать, да на втором шаге остановился. В задумчивость впал Иванушка: —Какое такое мое счастье? - спрашивает невесть кого Иванушка. - Кажись, все есть. Да и как оно выглядит, распрекрасное?

И только подумал-спросил, как глядь, а над ним стоит человек, в черный сюртук одетый, на желтоволосой, кудрявой голове заграничная шляпа «цилиндром» называемая и то же черная. Опирается тот человек на тяжелую трость и смотрит на Иванушку чужим, отстраненным взглядом, словно позади Иванушки есть нечто, куда более важное, чем он. И вот, этот человек глухим, надтреснутым голосом говорит: «Счастье есть ловкость ума и рук. Все неловкие души за несчастных всегда известны. Это ничего, что много мук приносят изломанные и лживые жесты».

Сказал и исчез. Ничего не понял Иванушка из сказанного, только озноб нехороший по телу прошел, да такой сильный, что куда его задумчивость подевалась. Враз расхотелось ему счастья искать. Подумал он, что напутала что-то мамаша по своей деревенской необразованности.

1

Много ли, мало времени прошло, о том м:че не ведомо, но только Ивашка из больницы выписался. Секретарше-Лизе путевку купил в заграничные страны для всеобщего развития, отдыха и попутного просвещения. Всем ведь известно, кто в Париже не бывал, тот и культуры настоящей не знает, а там и Венеция, Рим - колыбели цивилизации.

2

Зажил Иванушка жизнью размеренной, здраворассудочной, без мечтаний и задумчивости, а чтобы грешным делом опять в мечтание не впасть, нанял Иванушка, по совету врачей личного психоаналитика, и тот дважды в неделю «установку» давал Иванушке. Руками перед лицом махал, в легкий транс погружал и приговаривал при этом: «Нет никакой такой правды на свете, а есть только один Закон, да и тот объехать можно стороной, если деньги есть. Нет никакой надежды, если денег не имеешь, потому думать ты должен, как свои капиталы преумножить и в том счастье человеческое. Вера - обманка для необразованных людей, чтобы они легче переносили тяготы жизни. И еще говорил он, подстраховывая Иванушку на все случаи жизни: - И любви нет, а есть секс, и потому ты должен удовлетворять свои человеческие потребности регулярно. В этом залог твоего здоровья.

Помашет руками, купюры в карман зелененькие положит за сеанс-работу, поклонится и уйдет. Легко и прозрачно на душе у Иванушки сделается, пойдет он с легкой душой своей в клуб-бар, заметит там девицу с ногами бройлерного цыпленка, по моде нынешнего века, да и увезет для удовлетворения потребностей тела к себе на дачу.

Годы текут, щелкают как косточки на старинных счетах. Погрузнел Иванушка, раздался вширь от кушаний сытных, от вина заморского, от постелей из гагачьего пуха. Одышливый стал. Приписали ему врачи гимнастику и плаванье в воде соленой, морской.

Поехал Иванушка за границу, а того в ум не взял, что надо было с собой врача взять, который «установку» на здраворассудочную жизнь делает, руками видения и мечтательность замахивает. И вот, приключилась с

Иванушкой, в том заграничном отдыхе, беда пречняя, мечтательность ему в голову ударила, когда на белоснежном коралловом песочке лежал и лишний жирок с потом, из себя выгонял.

Видит он опять прежнее, казалось бы, напрочь забытое и руками врача того замаханное. Улицу видит своего города, как раз напротив своего офиса, девицу-нищенку; простоволосую, босую.

— Ты кто такая? - спрашивает её Иванушка, а у самого сердце сжимается, потому, как догадывается, что она скажет.

- Не признал, - говорит она, - богатым, да знатным стал. А помнишь, как я тебя с пепелища увела, в комнате своей спать уложила?

Вспомнил все Иванушка, признал-таки Правду, и от неё горько стало Иванушке.

— Зачем ты пришла, сердце мое разбередила? - спрашивает её Иванушка. - Без тебя так спокойно, так хорошо было. Чего ты возле моего офиса шастаешь?

- Милостыню пришла у тебя просить, потому как твоя власть на земле нынче, а моей нет.

- А была ли когда власть твоя на земле? - спрашивает её Иванушка. - Ходишь, людям головы морочишь, открываешь им то, чего видеть не надобно. Вот, нищету свою напоказ выставила, упрекаешь бессловесно за то, что живу в достатке. Прикидываешься доброй, да покладистой, а сама старая, злая ведьма! Зря я тогда над тобой псалтырь читал.

— Вот как ты заговорил, - сказала девица, - вот как жизнь тебя выучила-выстрогала.

- Да, - ответил ей Иванушка, - был я дурак дураком, а теперь поумнел. Так и скажи своим товаркам, той же Надежде скажи, поумнел, мол, Иванушка, покончил с мечтаниями раз и навсегда. Если бы на Земле вас не было, то вся жизнь пошла бы иным образом, не по бестолковому сердцу, а по здравому разуму.

— Добро же, сказала Правда, пусть будет по-твоему.

В миг очутился Иванушка в своей деревне. Будто спит он на своем топчане в углу кухоньки, и снится ему сон

1

2

завлекательный, видит он дома каменные, высокие, а в домах тех квартиры рукой потолка не достать, даже если подпрыгнуть. И только он стал в убранство квартир тех всматриваться, как проснулся от тычка в бок: «Вставай, дурак! - Грубо сказал отец. - Неча дрыхать, когда дел невпроворот».

Иванушка от такой неожиданности вскочил, глаза вытаращил спросонья, а отец ему по макушке тяжелой ладонью смазал, чтобы сонную одурь прогнать: «Ступай, - говорит, - во двор, да толки в ступе воду. Ныне самое время пришло для этого действия».

И заметив, что Иванушка по своему обыкновению спросить хочет, опережая его вопрос, с угрозой в голосе сказал: «Ты еще спроси, как в прошлом году: «зачем в ступе воду толчем» - я тебе по сопатке твоей вмажу».

«А зачем..? - против собственной воли вырвалось у Иванушки, и он тотчас получил от отца обещанное, а братовья из горницы выглядывают, смеются и просят отца, чтобы добавил еще дураку. Не выучил де Ивашка главного, не нами заведено, не нам и отменять. Толкли в ступе воду в это время деды и прадеды, а мы что, умнее их, чтобы обычай тот переменить? По осени в огороды, в решете воду носят, зимой снег на полях боронят, весной с козы семь шкур снимают. Мало ли какие обычаи и свечаи из древности пришли?

Вот ведь что стояло за смехом братовой над Иванушком-дураком. Все так в деревне жили и, слава Богу, еще сто лет проживут, а дураков только дурак и не учит.

–Сопатку-то подотри, да во двор ступай, - говорит отец. - Да когда воду толочь будешь, не вздумай, по своему обыкновению в мечтания вдариться, вожжами драть стану! Мужик уже, а все в ум не войдешь, все свои дурацкие вопросы спрашиваешь.

Пошел Иванушка-дурачок во двор, вытаращил из сарая ступу двухпудовую, залил в неё два ведра колодезной воды, взял пест и принялся толочь воду. Матушка подошла, погладила сына по головке: «В кого ты уродился такой глупый?». И добавила, отходя от сына: – Толки, толки как следует, с усердием, авось Господь ума даст. А потом махнула рукой с

отчаяния: – Да где там! И Бога по всему видно, нет. Кабы был...

Что хотела сказать матушка дальше и сказала ли, того Иванушка не слышал, рубашку скинул и пестом орудует, не хочет, чтобы отец вожджами попотчевал, да и кто хочет, даже если дурак отпетый? Так за работой время обеденное подоспело, братья во дворе появились, не меньше чем Иванушка уставшие от дел разных. Отец подошел и по виду Иванушки определил его усердие: «Ну вот, можешь, когда захочешь. Хватит, столклась, поди, вода, пошли обедать».

Опустил Иванушка пест, рукой пот отер, и чуть было не спросил отца: «Почему толченая вода целебной делается?» Удержал язык на полпути, а то не миновать бы ему еще одной затрещины.

И потекла, покатиалась Иванушкина жизнь, как камень с крутой горы. Женили Ивашку позже всех, когда ему третий десяток пошел. Отделил его отец, а в надел дал: коня-мерина, борону о трех зубах, плуг без лемеха, черенок от косы-литовки и прочие обновки. Крутись-вертись, наживай добро сам, коли с детства дураком был.

Невеста приданное принесла: телочку, ярочку, курочку, да гуся. Постель спальную, да кровать двуспальную, на которой и родила Иванушке один за другим семерых детей, трех девочек, да четырех мальчиков.

Теперь уже Иванушка соблюдал старину заповеданную. По весне в ступе воду толоч, в осеннее время лунными ночами в решете воду носил, зимой на поле снег боронил, детей своих за провинность ремнем порол, уму-разуму учил, дурь через задницу вышибал. Отца своего покойного, добрым словом вспоминал и всем в пример ставил.

До седых волос дожил, дочерей замуж выдал, сыновей женил и добром наделил, каждому по его сметке и усердию. Пришла пора смерть принять. Лег Иванушка на лавку под образа, глаза закрыл. А вместо смерти, явились к нему: Правда, Вера, Надежда и еще одна, незнакомая ему девица.

– Ну и какво, Иванушка в мире без нас жить? – спрашивает его Правда. – Вот и Любовь с нами пришла, а её-

1

то ты и не знал. –

2

А сама глаза на него уставила, не отвернешься.

–Нужны мы тебе, Иванушка? - спрашивает Надежда. - Или тебе и без нас хорошо?

Задумался Иванушка, вспомнил все семерых детей своих, как на руках держал, на коленях нянчил, ремнем порол. Жену Полю вспомнил, да крестьянскую долю, работу тяжелую, скотскую, не осмысленную. Вспомнил свои видения прежние, мечты свои юношеские. Сказать нечего, а соврать – нельзя, потому что Правда перед лицом стоит, как соврешь? Отвернулся Иванушка к стенке и заплакал горькими слезами. О чем плакал, о том никому не сказал потому, что смерть пришла, растолкала и разогнала тех девиц.

–Хватит, - прошамкала она, - поизмывались над человеком, пора и честь знать. Тут и сказке конец.

март 2003 года.

ДЕДУШКИНА СКАЗКА.

В многоквартирном доме на окраине небольшого городка, в комнате, где письменный стол и книжный шкаф, на двуспальной кровати лежали внук и дед. Хрюша и Степаша пожелали малышу доброй ночи и оба, внук и дед, надеялись, что эта ночь, как и все предыдущие, будет доброй.

– Дедушка расскажи мне сказку? - попросил внук. Сказка была обязательной перед отходом ко сну, и деду приходилось выдумывать каждый раз что-нибудь новенькое.

– Ты, из книжки, которую я тебе читал в прошлый раз, про Аленушку и брата Иванушку? - спросил дед на всякий случай, потому что выдумать сказку не так-то уж просто.

– Нет! Я не хочу. И внук на распев, подражая деду, произнес: "Рожки болят, ножки болят! Ты придумай новую, свою сказку. Я твои сказки люблю». – Ну, хорошо, так и быть, совру что-нибудь, - усмехнулся чему-то своему, дед.

–Врать не надо, ты взаправду рассказывай. Внук вздохнул, отвернулся, прижал к груди дедову руку, а потом стал почесывать ему ладонь. Было приятно и в то же время

тревожно, так как неизвестно к чему приведет такая привычка. Дед не знал этого и оттого, что не знал, было тревожно. В это время у детей, пробуждаются разные комплексы, и эта тайна становления личности была самой тревожащей из всех тайн, смущавшая душу деда. – Ну, это я так сказал потому, что в сказках все бывает понарошку, но так, как по правде, - поправился дед. – Хорошо. Слушай: "Жили были папа, мама и сынишка, Кирилка.."

– Опять "жили-были", - откликнулся внук переворачиваясь с бока на спину, но дедову руку не отпустил. – В прошлый раз "жили-были дед, да бабка" и сейчас - "жили-были..."

– Но ведь и на самом деле "жили и были", - возразил дед, пододвигаясь поближе к внуку, иначе, если не пододвигаться, то он уляжется поперек кровати. – Вот ты живешь и у тебя есть папа и мама, а ты есть у них, так ведь? Внук подумал и сказал:

– И у тебя есть я, да?

– Разумеется и у меня. Сказку рассказывать?

– Ладно, рассказывай, - великодушно разрешил внук и оставил ладонь деда в покое, повернулся к нему лицом и провел рукой по щеке. – У меня тоже, когда я буду старый, щетина вырастет? - спросил внук.

– Не отпадет голова - прирастет борода, - ответил дед той же присказкой, какой ему отвечал, на этот вопрос, его дед, когда он был маленьким.

– А как она прирастает? - внук приподнялся и заглянул деду в глаза.

– Обыкновенно, как волосы к твоей голове приросли, так и щетина к щекам прирастет.

– А на лбу не будет прирастать? - и он дотронулся до дедова лба.

– Не будет, - сказал дед. - Ты сказку просил...

– Ну ладно, рассказывай, только когда усну, можешь не рассказывать, потому, что ясны смотреть буду. – Ну, так вот, "жили-были папа, мама и сынишка, Кирюшка..."

– Его, как меня звали, да?

– Да, как тебя. Мама работала стюардессой на большом

- 1 . самолете, что каждое утро, когда ты идешь в садик, пролетает
высоко в небе...
- 2 – А моя мама, в банке работает. - Сказал внук.
– Это сказочная мама... А папа работал спасателем.
– Он людей спасал, да?
– И людей, и зверюшек разных, словом всех кто попал в беду, такая у него была работа.
– Тяжелая, да?
– Тяжелая, ответственная и опасная. Так вот, сынишка у них, Кирилка, рос мальчиком серьезным, в лужи не лез, девочек за косы не дергал, слабых и маленьких не обижал, и потому папа отпускал его гулять одного и не боялся, что он выскочит на проезжую часть дороги...
– А не на проезжую он мог выскакивать, да?
– Не на проезжую мог. Они жили на окраине города в большом доме...
– Как наш, да?
– Как наш, - согласился дед и продолжил рассказывать сказку: "А за домом было поле, а дальше большой темный лес. Мальчику всегда хотелось поглядеть, что в лесу, потому что он бывал на поле и видел, какие цветы и в какое время там растут, а в лесу не был..."
– Папа ему показывал, да? - Спросил внук.
– Да. Папа водил мальчика на поле и весной, и летом, и осенью...
– А он говорил, что цветочки рвать нельзя, что им больно?
– Говорил. "И вот, однажды, Кирилка решил пойти в лес..."
– Он с садика убежал, да? - спросил внук в очередной, наверное в десятый раз, поворачиваясь с одного бока на другой.
– Нет, садик был на карантине, а он был один в доме. Я же тебе говорил, что он был мальчиком серьезным и самостоятельным, и потому мама и папа оставляли его одного.
– Без присмотра? - внук спросил серьезным тоном, в котором легко читалось осуждение сказочного папы и сказочного мамы.

– Серьезных и самостоятельных мальчиков можно оставлять без присмотра, но это нужно заслужить, – пояснил дед. – Когда я был такой маленький, как ты, меня, мама оставляла в доме за старшего на целый день и даже на целую ночь, потому что папа мой... Тут дед прервал собственные воспоминания и сказал: – Ты слушай и не перебивай меня, а то я до утра сказку не расскажу.

– А она длинная? А ты был серьезным, когда был маленьким и заслужил?

Дед задумался. Он не знал, что сказать о себе – маленьким, своему внуку, как этого не знал, когда такой же вопрос задавали его сын и дочь. Ограничился кратким: "Длинная".

– Тогда я, до утра спать не буду, – тоном уверенного в себе человека, заявил внук.

– Так вот: прошел он поле и вошел в лес. На поле ярко светило солнышко, а в лесу было сумрачно, как бывает, когда солнышко спать ложится...

– Ты говорил мне, что солнышко не спит, а светит в других странах, другим мальчикам и девочкам.

– Совершенно верно, оно закатывается. Ты слушай. Мальчик хотел было уйти из леса, но увидел кустик с ягодой. Ягоды были красные, и он знал, что их можно кушать, хотя они и кислые без сахара...

– Я знаю, у другого деда в огороде такой куст растет, его красной смородиной называют.

– Так оно и есть. Так вот; деревцо за деревцо, кустик за кустик и вышел мальчик к большому, темному озеру посреди того леса. По берегам озера росла высокая трава-тростник. Мальчик вытащил из кармана складной ножичек, который ему папа подарил на день рождения..

– А мне папа не дарит ножичек, – пожаловался внук. – Говорит, ты еще маленький, и еще говорит, беды не оберешься.

– Будешь серьезным и самостоятельным, подарит. Так вот, срезал он тростинку и дунул в неё, а она, дудочка та, заплакала девчоночьим голоском: "Лежу я на дне озера,

1 - ручки ножки мои травкой связаны, злая колдунья меня
2 утопила"

Испугался мальчик Кирилка и со всех ног припустил домой, а дудочку ту не бросил. Дома папа с работы пришел, и сын ему все рассказал, а мамы не было, потому что она была на работе, в своем самолете.

-Нет ни каких колдуний, тебе в лесу со страха показалось, - сердито сказал папа. Он очень не любил разные выдумки про страшное, наверное, потому, что много чего страшного видел на своей работе.

-А вот есть! - выкрикнул мальчик и вытащил из кармана дудочку. Теперь он был дома и рядом папа, так что бояться совершенно нечего было. Он дунул в неё. Заплакала тростинка и папа вначале удивился, а потом разозлился на ту, злую колдунью.

- Ты иди в ванну, помойся, да спать ложись, а завтра, утром, мы с тобой ходим и девочку ту поищем, попробуем её спасти.

-Пробовать не надо, - сказал сын. - А надо спасти.

-Вот-вот... - сказал папа, прикрывая дверь ванны за сыном.

Ночью пришли к мальчику сны, всякие разные, и был один нехороший сон, потому что приснилась ему колдунья, на берегу озера. Погрозил ей Кирилка кулаком и назвал её злою, и та исчезла из Кирилкиного сна.

Папа, утром, встал рано и все приготовил, чтобы спасти девочку, а потом разбудил сына. Они попили чай с сыром, маслом и хлебом, оставили на столе записку маме, что вернутся после обеда и ушли.

И вот они пришли к озеру тому проклятому, где на дне лежит девочка. Снял папа с плеч рюкзак, и тут налетела стая черных ворон, так, что все еще темнее стало, чем было, а потом раздался хохот и увидели они, что перед ними стоит колдунья. Папа наклонился к сыну и сказал ему тихонько:

- Ты ничего не бойся, а я пойду и разберусь с этой особой. Только эта особа, то есть колдунья, не стала дожидаться, когда с ней "разберутся", а сказала страшное заклинание, и

папа с сыном превратились в диких, серых уток!...

– Я не хочу больше слушать эту дурацкую сказку! - выкрикнул внук. – Этих дурацких колдуний не хочу и этого дурацкого озера тоже!

– А кто хочет? - спросил дед. – Никто не хочет, а девочка та в беде, может быть, потому и в беде, что никто не хочет слушать, о дурацком озере и дурацкой колдунье.

Дед сделал паузу, а потом спросил внука:

– А ты, как ты думаешь? Внук попыхтел, попыхтел, раза два ударил своим кулачком по подушке:

– Вот так её! Злюку! Вот так!

Дед молчал. Прошла минута, другая и внук сказал, сглатывая слезы, он плакал. – Ну, чего замолчал? Рассказывай дальше свою дурацкую сказку.

– Приехала мама из аэропорта и прочла записку, и принялась на кухне готовить вкусенькое для сына и папы. Вот и вечер наступил, солнышко стало закатываться, а их нет. А там, на озере, плавают две утки и маленькая уточка говорит большой:

– Папа, я хочу домой. У нас крылышки с тобой есть, давай прилетим к маме и сядем на балконе.

– Нельзя сыночек, - отвечает ему большая уточка-папа. - Не признает нас мама, да и люди подумают, что мы обыкновенные дикие утки. Поймают нас, головки отрубят, жарят и съедят... Внук плакал уже навзрыд, но дед продолжал рассказывать, словно не слышал этих приглушенных подушкой, всхлипываний.

– Вышла мама на балкон, а тут птичка серенькая прилетела, села на перильце и поглядывает на маму своими бусинками-глазками.

– Зернышко хочешь? - спросила мама, удивляясь тому, что серенькая птичка её не испугалась и не улетела, как это обычно бывает. Пошла она на кухню и в ладони принесла подсолнечных семечек. Протянула она ладошку к птичке, а та скочила к ладошке и клюнула раз, два.

– А у меня, - пожаловалась мама, - муж и сын потерялись.

И вдруг, та серенькая птичка, стала говорить человеческим

1 а голосом:

2 – Их злая ведьма в уточек превратила, плавают они на лесном озере. Ты время даром не теряй, собирайся в дорогу, нужно отыскать добрую волшебницу фею, иначе с той колдуньей не справишься.

– Ох! - сказала мама и заплакала, потому что все мамы после "ох" плачут, а папы не плачут. – Где же я её найду, добрую фею? Я дороги не знаю, - спросила мама.

–А ты иди туда, где солнышко садится, а дорога тебя сама найдет, - посоветовала птичка. Мама тут же принялась одеваться, и пошла в ту сторону, где солнышко садилось. Шла она, шла и ночью, и днем, и зашла она в лес, но не темный, как тот, где озеро, а светлый. Очень она устала, но мамы, которые ищут своих сыновей, своих любимых пап, много чего могут, а уж про то, что устала, так об этом и не вспоминают вовсе.

И вот, в том лесу она нашла домик с голубыми ставнями, с высоким крыльцом, с яблоневым и вишневым садом вокруг дома. А на крылечке, в плетеном кресле, сидела молодая женщина, очень красивая... И тут внук подал голос:

– Как наша воспитательница, Полина Ильинична, да?

– Конечно, - согласился дед. - Увидела она маму и говорит ей: «Знаю зачем пришла. Ждала я тебя. Присядь, медовой воды попей, яблочко скушай....»

– Лучше бы "тархун" попросила, - сказал внук. - Моя мама "тархун" любит.

–Ладно, в следующий раз она "тархун" предложит, - сказал дед. - Учтем. Ну, так вот, отвечает доброй волшебнице мама: "Спасибо тебе на добром слове, да не могу я воды пить и яблоки кушать потому, что кусок в горле застревает. Горе у меня».

– Горю твоему помочь можно. Вот тебе палочка-выручалочка...

–Палку большую нужно! - крикнул внук. - Чтобы, как дать-дать той, злой колдунье!

Он уже давно не плакал, предугадывая финал сказки. Ведь, дед всегда говорил ему, что в сказках; вначале все

плохо, плохо, а потом все хорошо. Только дед всегда рассказывает так, что, кажется, все взаправду, а взаправде не всегда все бывает хорошо даже в конце. Это внук стал уже понимать, особенно тогда, когда мальчик из его группы погиб вместе с отцом, разбившись в машине.

– Взяла мама палочку-выручалочку, а добрая волшебница и говорит: «Махнешь палочкой и скажешь: "Ты сгинь-пропади навеждение злое....»

– А навеждение, это когда наваживают? - спросил внук?

– Что-что? - не понял дед.

– Ну, это когда мама говорит: "Вы его не наваживайте! "

Дед на секунду-другую задумался:

– Наверное, мама права и ты прав. Ведь когда наваживают, то хороший мальчик становится капризным, не хорошим, злым.

– А девочки? - поинтересовался внук.

– У, а девочки еще хуже, - вырвалось у деда, что-то своё, наболевшее. – Ну, ты слушай, уже немного осталось: так вот, взяла мама эту палочку и запомнила слова, которые следует сказать, а добрая фея сделала так, что мама враз оказалась на берегу того лесного, темного озера. И видит она двух уток и зовет их: "Ути, ути, плывите ко мне». Обрадовались утки...

– Папа и сынишка, - поправил внук деда. – Конечно, папа и сынишка, - согласился дед. – Подплыли утки к бережку, мама палочкой-выручалочкой взмахнула и сказала: "Ты сгинь, пропади, навеждение злое", и обернулись утки папой и сынишкой. Мама поцеловала их, обняла.... – Крепко-крепко, - и внук обхватил шею деда и прижался к нему.

– Да, внучек, да. Именно так: "крепко-крепко"! – и дед погладил внука по голове. – А сынок, Кирилка, сказал маме:

– Знаешь, мама, как без тебя плохо нам с папой было?!

– А мне без вас, было - невыносимо плохо, – сказала мама

И тут, опять налетели вороны, лес зашумел, деревья закачались, и появилась злая ведьма. – Ты зачем моих уток в людей превратила? Да я тебя..!

И только хотела злая ведьма сказать свое страшное-престрашное заклятие, как мама подняла палочку и сама

1
2
сказала заветное слово: "Ты сгинь, пропади, наваждение злое" - и тотчас ведьма превратилась в старый трухлявый пенек.

-Ну, теперь домой, - сказала мама, - а то дома стены без нас скучают...

-А девочка, - спросил внук борясь со сном, - которая в озере, на дне лежит?

-Папа сказал: "Тут девочку одну спасти нужно."

И принялся вытаскивать из рюкзака свои разные спасательные инструменты. А мама взмахнула над озером палочкой - выручалочкой и сказала:

-Ты сгинь-пропади, наваждение злое,- и девочка, ровесница мальчика Кирилки, очутилась на бережку, жива и здорова! ..

-Здоровецкая сказка, деда, - пробормотал внук и тут же уснул.

Утром, собираясь в садик, внук спросил:

- А девочка та нашла своих папу и маму?

- Какая девочка? - удивился дед.

- Ты что, забыл? Ну, та, что в озере была и в дудочку плакала?

- А ты как думаешь? - спросил дед.

-Наверное, нашла, - ответил внук и добавил самым серьёзным тоном на который был способен. - И девочкам без пап и мам плохо.

Потом, уже дня через три, вдруг, неожиданно для деда, внук вернулся к теме этой сказки. -Если не нашла та девочка, папу и маму, то её Кирилка усыновил. А потом, когда они выросли, он сделал её своей женой.

Май 2002 года.

ОБЕЗЬЯНКА ПОПУГАЙ И СЛОНЕНОК.

(мультитик-пультитик.)

- Скажи мне, Попугай, - обезьянка задумчиво поглядела на него, - ты знаешь, что такое информация?

- А как же! А как же! - Закричал Попугай, и чуть было не упал с ветки.

- Тогда скажи, - потребовала обезьянка. - Все просто! Все просто! Когда ты говоришь: «Попка умница! Попка все делает мудро и правильно». - Это информация. - Тогда, ты, наверное, знаешь значение и такого мудреного слова, как дезинформация? - Знаю! Знаю! Еще бы мне не знать! - Прокричал попугай. - Когда ты говоришь: «Попка дурак! Попка бестолковый!» Вот это и есть чистейшая дезинформация.

- Какой ты умный, - вздохнула обезьянка, - не даром ты столько лет прожил в клетке у самого Члена Правительства. Скажи мне Попугай, если я сейчас пойду к Слоноенку и сообщу ему, что ты заболел, что тебе нужен самый большой кокос, это будет информацией или дезинформацией?

- Если мне, то, конечно же, это будет информация, потому что я и на самом деле, после твоих слов, что-то плохо себя чувствую, - ответил Попугай.

- А если мы этот кокос разделим пополам? - Спросила обезьянка.

- Тогда это будет на половину, не полная информация, ведь это я заболел, а не ты?

- Тогда нам нужно заболеть вместе, - вздохнула обезьянка.

- Правильно! - Закричал Попугай, - и попросим не один каκος, а два! Два всегда больше чем один!

- Да. Но тогда, кто же пойдет к слоненку, если мы оба заболеем? - Спросила обезьянка.

В это время послышался треск сучьев и сопение.

- Послушай! - Крикнула Обезьянка и Попугай действительно услышал как Нечто тяжелое и огромное ломится сквозь джунгли.

- Это Слоноенок, - уверенно заявил Попугай и добавил, - я узнаю его походку.

И действительно, на поляну вышел Слоноенок и сказал:

- Здравствуйте!

- Ах! Если бы это было так! Что касается меня, то я уже умираю, - с дрожью в голосе откликнулся попугай.

1 - И э, тоже, при смерти, - как эхо откликнулась обезьянка.

2 - Но еще утром вы были здоровы? Удивился Слононок, - и «уже умирать» нельзя, потому что, когда умирают, то это не «уже».

- Много ты понимаешь, - возмутился Попугай. - Моя бывшая хозяйка чуть ли не каждый день «уже умирала». Вот так.

И Попугай упал на спину и поджал лапки к брюшку.

- Вот так и я умру, и ты, Слононок, будешь виноват в моей смерти.

- Почему это я? - Удивился Слононок.

- Почему, почему!? - Закричала Обезьянка, - он еще спрашивает! Сам бы мог догадаться!

- Друзья мои, - встревожился Слононок, - я ни чего не понимаю, но если вы мне объясните, то я... то - все что могу...

- Можешь, можешь... - сказал Попугай, а Обезьянка поддакнула:

- Еще как можешь! И всего-то нам нужно для излечения от смертельной болезни два... но тут её перебил Попугай:

- Три кокосовых ореха.

- Я, конечно, с радостью, для друзей чего не сделаешь, но в прошлый раз... Обезьянка перебила его:

- Ах, то было в прошлый раз, а он прошел, а сейчас наступил сегодняшний раз.

- Ну, хорошо, друзья мои, если нужно...

- Нужно, нужно, - подтвердил Попугай и взлетел на ветку.

- Вот видишь, - сказала Обезьянка, ему помогло только одно твоё сочувствие и твоё участие.

- Но ведь ты, Обезьянка, кокосовые орехи умеешь добывать лучше меня. - Сказал Слононок и посмотрел на неё с укоризной.

- Ах. Слононок, - вздохнула Обезьянка, - разве ты не понял, что я тоже при смерти. У меня кризис.

- Что, что? - Переспросил Слононок, поскольку впервые слышал такое мудреное слово.

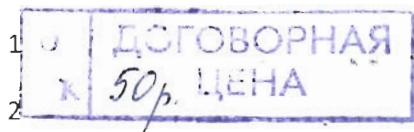
- Кризис у меня. Это когда всё из рук валится и ни чего в руки не вваливается.

- Покажи? - Спросил Слоненок.
- Что покажи? - Переспросила Обезьянка.
- Ну, это, как из рук вываливается, а в руки не вваливается.
- Ты издеваешься надо мной, да? А еще друг.
- Ой, не могу! Ой, не могу! - Заорал на ветке Попугай и Слоненок опрометью бросился в джунгли, к берегу моря, где росли кокосовые пальмы, поскольку он был настоящим другом и не мог позволить умереть Попугаю и Обезьянке.

2001 год

СОДЕРЖАНИЕ:

Огородная сказка	3
Сказка про Ивана-дурака, Змея-Горыныча и девицу-красавицу по имени Ладушка.....	10
Новая сказка про Иванушку-дурачка	32
Дедушкина сказка	52
Слоненок Попугай и обезьянка.....	60.

Литературно-Художественное издание

Михаил Петрович Анохин

Сказки для взрослых

Редактор Л. Козлова

САМИЗДАТ.

Пр. Ленина 33 кв 63 г. Прокопьевск

Формат А5

Гарнитура Calibri

Бумага офсетная N1

Тираж 50 экз

